

Юрий Лужков

КАПИТАЛИЗМ И РОССИЯ

Выпадение из будущего?

Юрий Лужков

Капитализм и Россия

Выпадение из будущего?

Москва
ОАО «Московские учебники»
2009

Юрий Лужков

Капитализм и Россия

Выпадение из будущего?

ББК 65.01
Λ 82

Лужков Ю.М.

Λ 82 Капитализм и Россия. Выпадение из будущего? - М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009. - 136 с.

ISBN 978-5-7853-1270-8

ББК 65.01

© Ю.М. Лужков, 2009.

© Оформление. ОАО «Московские

ISBN 978-5-7853-1270-8 учебники и Картолитография», 2009.

Содержание

Спасти нельзя изменить ...7

Капитализм: история мутации ...11

Марксово пророчество и эволюция
капитализма ...13

Глобализация транскапитализма
и посткризисное мироустройство ...21

Неразрешимое противоречие
и посткапитализм ...32

Россия: особенности и вызовы кризиса ...45

Банкротство монетаризма и олигархии ...47

Перезапуск экономики и его моторы ...57

Не проспять посткризисный мир ...70

Россия, действуй! ...81

Бережливая Россия ...83

Умное развитие ...101

Эффективное государство ...112

Победители будущего ...131

...Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы.

Альберт Эйнштейн

Спасти нельзя изменить

Прошел год с тех пор, как волна кризиса накрыла мировую экономику, окатив холодной водой и Россию. В последнее время стало гораздо больше оптимистичных прогнозов относительно восстановления мировой и российской экономики. Но текущие симптомы некой стабилизации не должны вводить в заблуждение.

Нынешний кризис частенько сравнивают с Великой депрессией в США 1929-1933 годов. Раз так, то не нужно забывать, что момент ее начала и Вторую мировую войну отделяло всего десятилетие. И что война, к сожалению, была и остается в истории человечества не только «последним доводом королей», но и чудовищно (во всех смыслах этого слова) эффективным способом обнуления проблем.

Это не повод пугаться и паниковать. Однако о нынешнем кризисе и путях выхода из него - и для России, и для всего мира - необходимо говорить не только на поверхностном уровне бухгалтерских индикаторов и макроэкономической текучки, но и на уровне фундаментальных вопросов.

Связанные с нынешним глобальным кризисом вызовы для человечества превосходят сферу экономики. Речь идет не о проблемах с деньгами, а о полномасштабном кризисе цивилизационных

ценностей. И на то есть очень серьезные причины, касающиеся фундаментальных противоречий современного капитализма.

Сможет ли вообще капитализм пережить этот кризис? Наступил ли конец не только экономике финансовых спекуляций, но и обществу безудержного и неумеренного потребления? Куда именно из этого кризиса должен выйти мир? Может ли Россия сформировать стратегию выхода из кризиса, которая позволит успешно осуществить модернизацию? Как, на каких принципах и за счет чего это возможно?

Это крайне острые и самые важные сегодня вопросы. Ответы на них, мягко говоря, не очевидны. Ясно пока только то, что и спасение капитализма, и перспективы, а также главное направление выхода мира из кризиса вновь и в очередной раз зависят от института Государства.

Еще недавно популярны были наукообразные построения об отмирании роли государства в мире глобализации, выкидывании на свалку истории государственного суверенитета и тому подобном. Нынешний кризис окончательно снимает все вопросы о роли государства в современном мире. Кризис возвращает государству ценность ключевого субъекта экономики и развития цивилизации, вновь делает главным в развитии капитализма вопрос о соотношении свободного рынка и государственного регулирования.

Государствам мира предстоит в ближайшие годы сделать решающий выбор. Он не в том, чтобы просто разрушить капитализм или спасти

его. Он в том, чтобы создать модель капитализма нового типа, вернуть мировую экономику к реальности, а человеческой цивилизации дать новые ценности и ориентиры развития. От этого зависит не только будущее мира, но и перспективы модернизации России.

Капитализм: история мутации

В 2008 году на наших глазах развернулся и продолжает развиваться, если использовать марксистскую терминологию, системный кризис капитализма как общественной формации. В последние десятилетия мир жил уже не при классическом капитализме с его рыночной производственной и торговой экономикой. И не при соперничестве капитализма с планово-распределительным социализмом.

Мы живем при «новой формации», при совершенно новой, генно-модифицированной форме капитализма - транскapитализме. Он основан на виртуальной экономике финансовых пузырей, их постоянном воспроизводстве в интересах глобальной финансовой олигархии и транснациональных корпораций.

С помощью этой системы была создана та модель глобализации, которая на протяжении последней пары десятилетий характеризовала современную нам «высшую стадию» развития американоцентричной системы финансового капитализма с ее монополистически-однополярными замашками. Отдельные государства (прежде всего США) и различные частные группы интересов обеспечивали себе извлечение сверхприбылей

из всемирной финансовой пирамиды биржевых спекуляций и долговой экономики американского доллара.

Такое перерождение капитализма привело к новому, доселе невиданному типу его кризиса. Мир чуть не захлебнулся в неконтролируемом потоке квазиденег, существующих только на экранах компьютеров и практически никак не обеспеченных реальной экономикой, производством и трудом.

Очевидные сегодня результаты кризиса - это только начало оплаты счетов трансакапитализма, его отцов-основателей и последователей. Само по себе начало выхода мировой экономики из рецессии вовсе не будет означать завершение разразившегося кризиса капитализма и глобализации. Возникает много вопросов, и один из главных среди них: кто будет оплачивать счета заигравшихся транснациональных корпораций и заигравшихся государств?

Марксово пророчество и эволюция капитализма

Сегодня весь мир неслучайно вспомнил Карла Маркса. Новые издания «Капитала» расходятся удивительными тиражами. Маркс был свидетелем и обличителем не идеалистического веберовского «прекрасного младенца» капитализма, но современного ему, вполне реального, довольно шкодливого и циничного взрослого с задатками рецидивиста. И Маркс был, безусловно, прав в

том, что в капитализме заложен некий периодически просыпающийся ген аморальности, подталкивающий систему к краху, поскольку за 100% прибыли капитал готов нарушить любые законы, а при 300% «нет такого преступления, на которое он бы не рискнул».

Марксово пророчество о неизбежности полного краха капитализма пока не сбылось. Способность капитализма развиваться, адаптироваться и совершенствоваться оказалась высока, что и было доказано историей XX века. Однако главная и спасительная для него метаморфоза, которая произошла с капитализмом за последнее столетие, пришла не изнутри него, а извне - от государственного вмешательства. Она была, в известном смысле, социалистической по многим параметрам прививкой.

Капиталистическое государство, которое первоначально воспринималось марксизмом как «машина классового господства», как «комитет, управляющий делами класса буржуазии», постепенно осознавало свои социальные функции. Функции создания и поддержания социального мира и устойчивости общества. Функции долгосрочного экономического регулирования, стимулирования и развития социальных принципов.

Этот процесс был непрост и возник не на пустом месте. Ведущие индустриальные страны Запада пережили Первую мировую войну, увидели Красный Октябрь 1917 года, прошли через Великую депрессию 1929-1933 годов, еще одну - фашистскую - альтернативу развития, испытали

все ужасы Второй мировой. Этот опыт «социальных катастроф» постепенно, шаг за шагом вел к осознанию необходимости коренных социально-экономических преобразований.

Общий смысл заключался в том, чтобы эволюция капитализма (и как экономической теории, и как хозяйственной практики) позволила поставить его на службу большинству населения и тем самым сформировала общественный запрос не на уничтожение, а на развитие капитализма. Собственно, сам отец-основатель марксизма дал капиталистическому обществу «зацепку» к выживанию, разъяснив в «Капитале», в чем должно заключаться главное направление эволюции экономического механизма и государственной политики капитализма. Эта «зацепка», это направление развития - в создании массового потребителя, в расширении массового потребительского спроса. Советский же социализм в этом смысле оказался в итоге куда ближе к тем пророчествам Маркса, которые первоначально предназначались для неизбежности краха капитализма и гласили, что последней и подлинной «причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс».

Вехами на пути «поумнения капитализма» были «Общая теория занятости, процента и денег» Джона Мейнарда Кейнса и возникновение принципиально новой, кейнсианской, экономической теории спроса и государственного экономического регулирования. Вехами на этом пути были так-

же «новый курс» Франклина Рузвельта в США с идеей «накопления социальной справедливости в рамках рыночной экономики», столетняя история той самой модели «шведского социализма», опыт политики «благополучия для всех» Людвига Эрхарда в послевоенной Германии.

В конце концов, в соответствии с кейнсианской экономической доктриной, основным двигателем экономики передовых капиталистических обществ Запада стала «экономика спроса». Потребление населения и создание «общества потребления» стало восприниматься как главный механизм, который двигает развитие вперед, стимулирует эффективность, расширенное воспроизводство капитала и рост производства, решает задачу занятости, ускоряет новые исследования для производства новых товаров и техники и решает многие другие задачи.

Однако правы те критики капитализма, которые утверждают, что преодоление внутренних противоречий в современных западных обществах, эффективность моделей экономики спроса и общества потребления в полной мере всегда были возможны лишь благодаря внешней экспансии, империализму и глобализации.

Капитализм все равно постоянно переживал циклические кризисы. Суть этих кризисов была связана с перепроизводством, нехваткой денег у населения и нежеланием капиталистов терять прибыли, то есть снижать цены. И капитализм все больше и больше стал уходить от внешних признаков кризиса у себя дома, во имя прибы-

лей перенося производства и сбавляя излишки товара в слабо развитые страны.

В XIX и в первой половине XX века это было возможно благодаря классическому колониализму. Однако издержками системы были и мировые войны, а затем появление «второго мира» - социализма и противостояние с ним. После Второй мировой войны тем не менее оказалось очевидным, что сохранение всемирной экспансии, контроля над мировыми рынками и приватизации мировых ресурсов все равно необходимы. Иначе не выжить. Но теперь это должно было происходить в иных формах создания глобальной экономики, пронизанной западными правилами игры и финансовым контролем. Таким образом капитализм мог бы и дальше выводить «классовые разногласия» западных обществ вовне. Переносить их на отношения с «остальным миром», использовать и приватизировать его ресурсы и труд в интересах постепенно формирующегося «золотого миллиарда».

Но чтобы сохранять топливо для новых прибылей капитала и одновременно классовый мир внутри «золотого миллиарда», экономики Запада все равно во все большей степени должны были становиться экономиками расширения внутреннего спроса. А значит - производства новых искусственных потребностей и зависимости населения от кредита, постоянно заставляя человека хотеть чего-то нового и одновременно разрывая связь между реально заработанным и полученным.

Труд для людей этого общества потребления превращался из источника жизни в дополнитель-

ное приложение и «камуфляж» возможности потреблять и наслаждаться. Обеспечение граждан работой стало фетишем создания новых и новых квазиэкономических трудовых ниш, которые позволяют это потребление поддерживать. Сами экономики Запада и прежде всего США переставали опираться на реальный сектор и промышленность, переставали быть производителями, а превращались в постпроизводственные, деиндустриализированные (в США доля промышленности в ВВП составляет всего 11%), посреднические экономики услуг, прежде всего услуг финансовых. На смену рабочему классу в этих странах пришли банковские работники, страховые агенты, биржевые маклеры, то есть те, кто оперирует в основном в финансовой сфере. Производство денег стало главным потому, что только это позволяет поддерживать дурную бесконечность возгонки расширенного потребительского спроса, от которого экономика и социально-политическая устойчивость капитализма попали в полную зависимость.

Все эти факторы, вместе с огромной долей США в мировой экономике после Второй мировой войны, а также вместе с положением доллара как мировой резервной валюты и возможностями манипуляций с монополией на его эмиссию, в значительной степени предопределили последующую гегемонию Соединенных Штатов в эволюции капитализма и в возникновении модели капитализма виртуальных финансовых спекуляций.

Искушение воспользоваться выгодами раскрутки финансового капитализма для целей ми-

рового господства Штаты преодолеть не смогли. США настроились играть в деньги. Произошло преобразование капитализма, формирование его новой фазы. «Вчера» работала формула капитализма «деньги - товар - деньги», и капиталист, чтобы получить большие деньги, производил товар, стремился получить большую прибыль и действовал, совершенствуя в первую очередь товарное производство. Эта формула справедлива и сегодня. Сколько бы ни говорил Китай о социализме, в его стремлении к получению доходов лежит товарное производство, его он собирает со всего мира и успешно конкурирует с другими странами.

А вот Штаты стали жить уже по другой модели: «деньги - ценные бумаги - деньги». Америка перестала делать товары и перешла на производство денег. В результате начиная с 70-х годов прошлого века американская экономика, а с ней и глобальный капитализм стали - сначала медленно, но верно, а затем уже быстро и неизбежно - обнаруживать характер преимущественно финансового спекулятивного капитализма. Точкой отсчета для экспансии финансистов явилась ревизия первоначальной версии Бреттон-Вудской системы валютных курсов и золотого стандарта доллара. А идеологической базой спекулятивного капитализма стали экономические теории монетаризма.

В конечном счете монетаризм и рейганомика подготовили начало стремительного наступления финансового капитализма в 1990-х годах. Для этого заранее было реформировано существовавшее

со времен борьбы Рузвельта с Великой депрессией банковское законодательство, резко ограничивавшее возможности банков заниматься финансовыми спекуляциями. Была построена огромная, абсолютно неадекватная и практически неконтролируемая система многоэтажных производных и сугубо виртуальных финансовых технологий и инструментов. В конце своего существования в прошлом году объем этой экономики деривативов оценивался более чем в 1,2 квадриллиона долларов, что в десятки раз превышает экономику не только США, но и всего мира.

Большинство национальных экономик и государств мира долгое время были практически бессильны перед представителями международного капитала, которые, не допуская контроля, перемещали деньги со скоростью света, пускали - когда надо и кого надо, даже целые страны, - по миру, укрывали доходы в безналоговых зонах. Существовало как бы два параллельных мира, хотя иногда они были представлены одними и теми же людьми. В первом были государства, границы, законы, производство, обязательства. Во втором - ничего этого не было, а существовали забалансовые операции, псевдонимы и маски, алхимия извлечения золота из воздуха и правила свободной игры капиталов, которая больше была похожа на игру без правил.

Но эта система, основанная на принципах пользования мирового производства одной страной, которая только выпускает деньги и дурачит всех, опираясь на свой прошлый авторитет, не-

избежно должна была провалиться и привести к новому, доселе невиданному типу кризиса. Потому что экономика финансовых спекуляций искадила представления о ценах, товаре, труде, обмене, долге. В ней не осталось ценностей, кроме ценности денег, да и то виртуальных. В ней даже спекулировали уже не на товаре, а на воздушных курсах надутых фирм. «Невидимая рука рынка», опирающаяся в исходном представлении на моральный дух капитализма и христианскую свободу выбора, превратилась здесь в неведомую ловкость рук под столом глобальной экономики. И не только экономики, но и глобальной политики.

Глобализация транскапитализма и посткризисное мироустройство

В самой мутации капитализма и его превращении в транскапитализм геополитические устремления США и Запада имели и до сих пор имеют огромное значение.

За понятием «Запад» скрывается основанная на американских экономических институтах и контуре безопасности глобальная коалиция поддержания мирового лидерства наиболее развитых капиталистических стран современного мира. Удел Западной Европы в этой системе - зависимость и подчиненность, часто пусть даже и вынужденная, но послушность. Сомнения, но всегда заканчивающиеся соглашательством и консолидацией позиции с США. Как это на самом

деле похоже на то, что происходило в соцлагере. Вспомним Венгрию 1956 года, Чехословакию 1968 года, а, с другой стороны, Югославию в 1990-х - и не увидим разницы между гегемонией СССР и гегемонией США.

После Второй мировой войны Запад под предводительством США всегда вел и постоянно раскручивал теперь уже «холодную войну» против СССР именно для того, чтобы снять ограничения и создать новые возможности для экспансии капитализма. «Холодная война» была, по сути, стратегией антимодернизационного изматывания СССР и едва ли не в первую очередь заключалась именно в финансовом и ресурсном изматывании социалистической системы в «гонке вооружений». Сама же гонка всегда, но особенно в 1980-х годах «рейганомики», служила для США хорошей возможностью подбросить дровишек в топку раскрутки спроса своей экономики. Постепенно против СССР благодаря, в частности, возможностям спекулятизма и глобальной финансовой олигархии все активнее разворачивалась и ценовая война на товарно-сырьевых рынках, прежде всего на рынке нефти.

В результате финансовый капитализм сыграл большую роль в распаде СССР. А сама модель спекулятизма была такова, что ее долгосрочная устойчивость принципиально зависела от способности произвести разрушение, а затем - поглощение, приватизацию и капитализацию ресурсов и потенциала стран социализма, «постсоветского мира». За счет исчезновения блокового биполяр-

ного противостояния можно было попытаться также нарастить возможности по перевариванию ресурсов других частей мира, включая нефтеносный Ближний Восток и промышленный рост Юго-Восточной Азии. Только так можно было в конечном счете обеспечить связь с реальностью и оплату всех счетов той финансовой пирамиды, которая не только оплачивала глобальную деятельность финансового империализма, но и обеспечивала сверхприбыли финансовой олигархии.

Доктрина «конца истории», провозглашенная в момент распада СССР, не только открыто утверждала идеологическую победу Запада, но и подразумевала необходимость рано или поздно обеспечить «конец любой экономики и ресурсов», неподконтрольных Западу. Такова была глобальная миссия спекулятизма. Часть этой программы была успешно выполнена, прежде всего в том, что касалось поглощения Восточной Европы и Прибалтики. Где-то, правда, дела пошли не совсем гладко, как в ситуации с Балканами и долгой войной за расчленение Югославии или же как в случае с двухсерийной «иракской аферой» имени старшего и младшего Бушей.

Тем не менее Запад достиг определенных успехов, причем значительную долю получили не только США, но и Евросоюз. Хотя ему еще долго придется иметь головную боль и разбираться с тем, что интеграция восточных европейцев прошла во многом по сценарию превращения этих неофитов в пятую колонну США внутри европейского сообщества. В свою очередь, сами вос-

точные европейцы сегодня лучше и жестче всех чувствуют влияние кризиса и последствия того, каким образом их «отинтегрировали» в Запад. Не случайно некоторые из «новых европейцев» оказались сегодня на пороге тотальной экономической несостоятельности и социально-политической дестабилизации, проявляя себя как «несостоявшиеся государства».

Главное, впрочем, все же в том, что Запад и его модель спекулятизма так и не достигли главных целей. Все бы удалось, если бы получилось поглотить, утилизировать или поставить под плотный контроль ресурсы России и Китая. Именно в «подключении» к себе, втягивании в себя этих двух «миров» Запад был жизненно заинтересован для сохранения своего глобального лидерства. Значительная часть кажущейся сегодня избыточной массы фиктивного капитала, фиктивных финансов, сформированных финансовым капитализмом за последние десятилетия, была «выпущена» именно под поглощение России и Китая. И в этом смысле спекулятизм мог бы выжить, только если бы достиг этой двуединой цели.

В отношении России больше подходила стратегия поглощения и принудительной интеграции в Запад. И в 1990-х годах Запад имел определенные основания рассчитывать на это из-за слабости Российского государства, а также из-за активного формирования в России когорты олигархов и монетаристов, которые только и хотели, что сдать с выгодой для себя глобальному финансовому капитализму.

Для Китая более подходила уже не стратегия поглощения (что вряд ли возможно по многим причинам), но «удушения в объятиях». На что, можно предположить, опять же были бы не самые маленькие шансы, если бы Западу удалось сперва поставить под контроль Россию, а потом, опираясь на ее ресурсы и потенциал, иметь возможность навязывать и диктовать Китаю очень многое.

Однако такие планы «главного командования» не реализовались, оказались несостоятельными. И произошло это в первую очередь из-за того, что в последние годы Россия пришла в себя, преодолела период революционных потрясений и национальной слабости, вновь обретает силу после болезненного геополитического тайм-аута и тяжелых травм распада Советского Союза.

Дефолт транскапитализма после этого стал практически неизбежным и был лишь вопросом времени. Система продержалась еще немного, пока не начала стремительно обваливаться в прошлом году. Вместе с дефолтом наступил и логический финал политической однополярности мира. Претензии Соединенных Штатов на мировое единоначалие и попытки экспансии буквально по всем направлениям имели совершенно очевидные причины, связанные со стремлением избежать банкротства своей экономической системы и спасти финансовую олигархию через лидерство в «обдирании» мира.

Рано говорить о том, что транскапитализм полностью признал свое поражение. Стратегические империалистические цели транскапитализма

продолжают оставаться в центре внимания США, а значит, нельзя исключать и попыток реанимировать вместе с ними еще более изоциренные схемы и технологии финансовых спекуляций и контроля над глобальными рынками.

Однако ситуация изменилась. Прежде всего, сегодня мы имеем дело с несомненным усилением роли государств в экономике. Эта тенденция не носит исключительно ситуативный, антикризисный характер, но будет иметь гораздо более долгосрочное влияние. Неслучайно, например, сегодня небезызвестный Збигнев Бжезинский заговорил о том, что вместо «большой восьмерки» (G8), которую нужно размыть и роль которой следует нивелировать, Китаю и США необходимо создать «большую двойку» (G2). И потом совместно, «на пару», решать все основные мировые проблемы.

Идея «большой двойки» хорошо иллюстрирует то, в каком направлении капитализм, возможно, будет искать магистральный путь выхода из кризиса. Кризис заставляет понять, что экономическое доминирование все же должно опираться на реальную производственную экономику. Конечно, США вряд ли смогут быстро восстановить собственную индустриальную и производственную систему, перенести обратно на свою территорию многие производства. В ограниченных масштабах это возможно, но в целом постиндустриальное общество уже не переделаешь. Выдавленную из тюбика пасту обратно не затолкаешь. Начинается поиск опоры на реальную экономическую базу через систему новых глобальных союзов.

Однако предлагаемая на замену прежней модели транскапитализма идея «большой двойки» выглядит всего лишь корректировкой. Фактически Китаю предлагается в обмен на определенные политические и экономические обязательства со стороны США (но вряд ли до конца равноправные) пойти на альянс по схеме «мировая бухгалтерия» финансов в США, а «мировая фабрика» реальной экономики в Китае, плюс в расширяющейся зоне китайского доминирования в Юго-Восточной Азии и отчасти в Африке. Вряд ли, однако, такой сценарий понравится не только Евросоюзу, Японии, России, но и самому Китаю. Сегодня в Пекине, как никогда ранее, сознают свою зависимость от экспортной модели развития. Доля внешней торговли в ВВП КНР превышает 66%, что делает экономику крайне уязвимой, и прежде всего от состояния рынков США и Европы.

Китай вряд ли хотел бы консервировать структурную зависимость от США. Поэтому для него выход из кризиса и переход на качественно новый уровень развития зависят теперь уже от поиска устойчивости во внутреннем развитии, расширении внутреннего рынка и потребления. Но одновременно и от обеспечения возможностей получить стратегический доступ к природным ресурсам, формировать новые внешние рынки для своей торговли и продолжать усиливать глобальное финансовое влияние, а не мариновать собственные резервы, фактически кредитуя Америку. Кроме того, изоляционизм и полная сосредоточенность только на самом себе грозили бы

Китаю нарастанием социальных диспропорций и политических рисков по мере становления «китайского потребительского общества».

По этим причинам для Китая не является вопросом целесообразность продолжения глобализации мировой экономики. Она для него необходима. Собственно говоря, продолжение или прерывание процесса глобализации как раз и является второй важнейшей тенденцией, наряду с усилением роли государств в экономике, которая будет предопределять главные развилки путей выхода мира из кризиса.

В целом условная коалиция «за продолжение глобализации» выглядит куда более мощной. Другое дело, что сторонники глобализации отнюдь не едины в том, какая именно «улучшенная и дополненная» ее версия должна работать.

Для США, как мы видим, главная задача сохранить себя в качестве единого центра дальнейшего движения вперед. Для этого Штаты даже готовы поделиться миноритарными пакетами в будущей системе, но не пожертвовать главной идеей - оставаться единственной «глобальной бухгалтерией». Для других глобальных держав, в зависимости от ситуации, может казаться предпочтительным выбор одной из версий. Или это будет ставка большинства на регионализированный мир, где Китай, Евросоюз и Россия будут первыми парнями в своих довольно крупных деревнях и усядутся за один стол переговоров с лидерами других региональных блоков, включая и США. Другая версия предполагала бы единую модель многополярной глобализации и

дальнейшего развития всей мировой экономики под коллективным руководством. Без жесткой структуры геополитических и геоэкономических материков (с постоянно искрящимися и грозящими конфликтами границами между ними), но и без той самой монополярной бухгалтерии. Ведь для всех, кроме США, риски сохранения прежней моноцентричной финансовой системы и производной от нее структуры глобальной экономики неприемлемы.

Сейчас движение именно к одной из этих двух моделей довольно четко просматривается по мере выхода на первый план мировой политики «группы двадцати» (G20), которая явно замещает собой G8 в обсуждении вопросов глобального экономического развития. Однако пока не вполне очевидно, в какую именно сторону - регионализованной блоковой глобализации или многополярного коллективного руководства единым развитием - двинется мир дальше. Это во многом будет определяться уже не только экономическими, но и политическими стратегиями государств и, в частности, направлением и содержанием эволюции системы Организации Объединенных Наций.

Реформа ООН и ее Совета Безопасности является сегодня более чем актуальной задачей. Необходимо, в том числе и с учетом нарождающегося опыта G20, возродить роль Организации и окончательно закрыть возможности «однополярных» стратегий в современном мире. Особо важной становится также роль ООН в координации мирового экономического развития. Более эффективная и властная ООН может вернуться к

идее реального контроля над мировой экономической и финансовой системами. Возможно, это позволит преодолеть и те кризисные явления в мировой торговле, которые сегодня очевидны в рамках Всемирной торговой организации, причем опять же в силу попыток использовать ВТО как инструмент превосходства и экспансии. Само вступление России в ВТО не должно быть безоглядным и свестись просто к выполнению инструкций. Если уж оно происходит, то его необходимо использовать для активной работы по совершенствованию организации и созданию новых, более справедливых правил международной торговли.

Наконец, на первый план выходит и третий - после роли государства и вариантов продолжения глобализации - ключевой вопрос глобальной повестки дня. Это вопрос об архитектуре глобальных финансов и формировании новой многополярной системы мировых резервных валют. Декларативно все вроде бы согласны с необходимостью таких изменений, однако, как обычно, дьявол кроется в деталях. Конкурирующими идеями оказываются проекты «модернизации доллара» в качестве единого мирового резерва, создания принципиально новых инструментов и «носителя» единой мировой валюты (что, впрочем, вполне может быть закамouflированным вариантом сохранения прежней системы в интересах США и глобальной финансовой олигархии) или же демократизации системы мировых резервных валют. В последнем случае - с возможной раз-

личной степенью их регионализации, развитости институтов координации и общего управления, а соответственно и с все тем же выбором между глобализацией «региональных блоков» или глобализацией «коллективного руководства».

Большинство стран мира понимают, что без демократизации глобального управления и формирования более сбалансированной и справедливой системы мировых финансов и экономической глобализации дальнейшее развитие невозможно.

Однако пока Америка продолжает заливать кризис необеспеченными эмиссионными деньгами, превращая, по меткому выражению, «пожар в потоп». США и связанная с ними глобальная финансовая олигархия все еще, к сожалению, способны шантажировать мир своим «зомби-долларом» и стремятся навязать миру свою эгоистичную версию выхода из кризиса. Только в действительности это будет не выход из кризиса, а лишь новое издание транскапитализма с последующим неминуемым обрушением. Такая политика может привести к полномасштабному краху и доллара, и мировой финансовой системы.

Но это только лишний раз доказывает, что неперенным условием оздоровления мировой экономики теперь должно стать и окончательное преодоление мировой однополярности, попыток и дальше сохранять глобальное доминирование США и Запада.

Неразрешимое противоречие и посткапитализм

Проблема «выхода назад» из кризиса не исчерпывается только попытками сохранить в слегка видоизмененном виде транскapитализм. Вопрос намного глубже и серьезнее.

Капитализм за последние два столетия эволюции и мутации предельно обнажил практически неразрешимое противоречие своего естества, самого принципа существования капитала. Его топливом для движения, его кислородом для дыхания всегда была максимизация прибыли, бесконечность накопления капитала. Это достигалось через постоянное подталкивание экономического роста, расширение производства, финансовые операции и стимулирование сверхпотребления.

Если происходит бесконечная возгонка этих процессов, рано или поздно неизбежен максимум неустойчивости, напряжения природных ресурсов, среды обитания, социальной системы. Более того, капитал всегда стремится ограничить, подавить (или купить) регулирующую, ограничивающую роль государства как препятствие для реализации стратегии максимизации прибыли. Рано или поздно, но таким образом капитализм неизбежно доводит систему до «невидимой ручки», до очередного кризиса. Не случайно для марксизма общая теория капитализма и теория экономического кризиса капиталистической системы всегда были идентичны. И тогда именно государство оказывается тем «последним креди-

тором», который может и должен сыграть спасительную роль.

С другой стороны, капитализм постоянно сталкивается с тем, что основные факторы производства и издержки непрерывно дорожают. Граждане по всему миру также требуют от государств все больших гарантий образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения. Но чтобы предоставить эти блага, государства вынуждены взимать и увеличивать налоги. И уровень налогов за последнюю сотню лет вырос многократно.

Затраты на оплату труда, на оплату все более дефицитных ресурсов для капитала также возросли. Увеличивающееся население Земли требует достойной оплаты труда, а беспредельная трудовая эксплуатация возможна во все меньшем количестве стран мира. Растущее человечество потребляет все больше ресурсов, увеличивая их цены и ставя мир на грань экологического кризиса.

Возможность для экономического выживания мира и нового дыхания капитализма всегда давали и могут частично давать дальше регулярные переходы экономики на новые технологические рубежи и уклады, которые снижают остроту ресурсных ограничителей развития. Однако даже это в современных условиях не снимает ключевой проблемы. Потребление ресурсов все равно обгоняет технологические возможности их экономии, сбережения и восстановления из-за присущего капитализму безудержного стимулирования общества потребления. Стремясь заработать свои вожаделенные «300% прибыли», капитал формирует,

рекламирует и продает завышенные уже на 500 и даже 1000% стандарты потребления. Но создание все более искусственных потребительских желаний не может быть бесконечным.

Тем более что гонка сверхпотребления всегда основывается на построении массовых кредитных пирамид, позволяющих осуществлять сегодня потребление того, что в случае нормальной - трудовой и реальной экономической - логики могло быть только завтра произведено бизнесом и только послезавтра заработано человеком. Иначе говоря, такая система зависит не только от способности постоянно производить новые искусственные потребности и заставлять человека хотеть чего-то нового, но и от «продажи будущего сейчас», потребления за счет послезавтрашних воображаемых доходов, проедания этого самого будущего. Такое общество сверхпотребления также предполагает, что рост должен продолжаться вечно и нескончаемо, любые активы будут всегда дорожать, а финансовые схемы и эмиссия будут всегда покрывать разрывы между незаработанным на сегодня потреблением, реальным состоянием экономики и личными доходами.

В целом это вновь ведет к сверхэксплуатации ресурсов и росту их дефицитности. Пирамида удовольствий игнорирует то обстоятельство, что потребление остается крайне неравномерным и несправедливым. И если предположить, к примеру, что завтра все китайцы или все индусы, а также многие миллионы жителей иных развивающихся стран примут и попробуют реализовать

стандарты потребления западного мира, то планету постигнет практически мгновенный ресурсный коллапс, как и полное разрушение экономической и финансовой системы.

В результате действия всех этих факторов капитализму практически некуда деваться - больше нет возможности жить и развиваться, как прежде. Капитализм выдыхается как формация из-за того, что необходимые для воспроизводства и накопления капитала объемы прибыли не могут извлекаться в прежних объемах. Или же они должны извлекаться при помощи полукриминальных и мошеннических схем, войн, обмана и злодеяний. История создания виртуальной экономики финансовых спекуляций была одной из последних попыток капитализма создать дополнительное пространство жизни и извлечения прибыли, однако эта попытка не могла не провалиться, не обернуться кризисом из-за вопиющей пропасти между финансовыми пирамидами и экономикой реального производства и труда.

Неутешительной альтернативой такому мошенническому, откровенно неприличному пути вырождения капитализма нередко является олигархическое сращивание власти и собственности, государства и капитала. Такое сращивание и перерождение капитализма может происходить и в отдельных странах, и в мировой экономике в целом. Тот же транскапитализм, по сути, является наглядным примером и этих тенденций тоже. Соответствующая монополизация рынков и создание неравных правил игры для различных

экономических субъектов приводят к тому, что «свои» капиталы и капиталисты наживаются за счет всех остальных предпринимателей, а в конечном счете - за счет граждан и государств по всему миру.

Все это означает, что любые возможные сценарии выхода из нынешнего глобального кризиса не могут быть сугубо экономическими и уж тем более финансовыми. Они будут опираться на политическую стратегию государств, новые принципы устойчивого развития экономики и жизни «постпотребительских» обществ. Выход из кризиса на сегодня не найден, его просто не существует, пока разговор о критериях преодоления кризиса опирается на расхожие поверхностные представления о перспективах восстановления экономического роста, преодоления рецессии. О таком выходе можно будет говорить только тогда, когда произойдет осмысление того, что хозяйственный уклад под названием «капитализм» прекратил свое существование в том виде, каким его знали последние 300 лет.

Известный тезис Адама Смита о «невидимой руке» провозглашал принцип рынка универсальным способом организации не только экономики, но и общества в целом. Вера в силу рыночного саморегулирования, способного из сосуществования различных эгоистических интересов чудесным образом создавать социальную гармонию и двигать развитие вперед, всегда была утопией.

Во времена самого Адама Смита еще можно было утверждать, что «мы ожидаем получить обед

не из-за благожелательности мясника, пивовара или пекаря, а благодаря тому, что они заботятся о собственных интересах». Впрочем, такой идиллической картины совершенной рыночной конкуренции в полной мере не существовало даже тогда. Сам Смит не испытывал иллюзий по поводу применения подобных принципов в больших масштабах, в масштабах мира и международной торговли, где сила личной выгоды ведет к жестокой войне всех против всех, но никак не к вкусному обеду для каждого.

Что уж говорить не о торгово-лавочном, а о промышленном и финансовом капитализме последних полутора столетий, когда концентрация капитала и производства, новые технологии, массовое потребление и формирование корпораций вывели на сцену монополистический капитализм, навсегда покончивший с «невидимой рукой» рыночного благолепия. Весь пафос либерализма и слов во славу живительной силы рынка с тех пор стал не более, но и не менее чем войной корпораций с государством за право быть большими, сильными, всеохватными, глобальными, почти суверенными, то есть подобными самому государству. Но в отличие от государства - совсем не отягощенными социальными задачами и ответственностью за справедливость и долгосрочное развитие стран, а также абсолютно неподконтрольными обществу, мнению граждан, требованиям демократии. Эта борьба шла постоянно и с переменным успехом, но поиски компромисса так и не дали искомого результата.

Государственное регулирование могло ограничивать и сдерживать темные устремления капитала, но не могло предотвратить мировых войн и превращения глобального капитализма в империализм. Попытка создать госкапитализм, поставив крупный капитал на службу государству и сохранив рыночную свободу лавочника, производит на свет корпоративное государство. Оно способно жить только внешней экспансией и захватом ресурсов, порождая в своих крайних проявлениях тоталитарного монстра фашизма.

Социалистическая система, в свою очередь, рухнула именно потому, что так и не смогла наладить эффективный баланс между своей госкапиталистической по экономическому механизму сутью (которая могла быть жизнеспособной лишь какое-то время за счет тотальной и подчас тоталитарной мобилизации всех ресурсов, внешней экспансии или же, в последние десятилетия жизни СССР, - за счет извлечения ренты из сырьевых ресурсов) и «уравнительной в дефиците» внерыночной системой социального распределения, угнетавшей возможности массового потребительского спроса, повышения уровня жизни и воспроизводства «человеческого капитала». Сверх того, проблемой социализма всегда была полная монополизация государством любых вопросов развития, что уничтожало энергию экономики. Вместо борьбы с пороками капиталистической модели накопления и воспроизводства капитала социализм предпочел уничтожать капитал и предпринимательский дух

как таковые вместе с их позитивной энергией развития.

Стремление же западных демократий найти компромисс между рыночным капиталом и социальностью в рамках «государства всеобщего благосостояния» второй половины XX века оказалось стратегически тупиковым путем безудержного развития обществ потребления. А на смену военно-политическому пришел финансовый империализм глобального неравенства, несправедливости, проедания ресурсов планеты и ее экологической устойчивости.

Глобальное противостояние капитализма и социализма всегда лишь подпитывало силы либерального мифа о всемогуществе рынка, тем более после крушения мировой социалистической системы. Именно тогда - в 1980-1990-х годах - капитал вновь вырвался на свободу, но теперь в ужасной и доведенной до логического конца форме транскапитализма. И только нынешний кризис похоронил под своими обломками либеральный миф. Как и наивную надежду на то, что попытки примирить природу эгоистичного капитала и монополистического капитализма с задачами устойчивого развития человеческой цивилизации имеют хоть какую-то перспективу.

Сегодня новую модель развития экономики вряд ли можно подробно охарактеризовать или даже назвать. Мы можем говорить лишь об общих контурах того, что логичнее всего именовать «посткапитализмом». Таким же образом после распада СССР и советской системы утвердился

термин постсоветского развития - предельно ясно, чему пришел конец, но понятно и то, что содержательные характеристики нового, пришедшего на смену, будут формироваться еще достаточно долго.

Как это обычно бывает, в обломках и конвульсиях старого мира уже видны некоторые параметры этого нового посткапитализма, который будет скорее ближе к формуле совместного частно-государственного накопления капитала. Но не для обеспечения максимизации прибыли, а для решения долгосрочных задач глобальной конкурентоспособности страны в единой мировой экономике. И, с другой стороны, - для устойчивого воспроизводства общественного, «человеческого капитала», являющегося главным ресурсом новой сверх- и постиндустриальной экономики.

В этой модели само государство есть крупнейший и одновременно социально ответственный капиталист. Государство, стремясь в первую очередь соответствовать логике экономической глобализации, приобретает все более экономический «профиль», превращается отчасти в корпорацию, конкурирующую с транснациональными корпорациями и являющуюся доверенным лицом граждан в глобальной экономике. Но одновременно - в той мере, в какой новая эпоха является эпохой постиндустриального типа, то есть экономикой знаний, экономикой человеческого капитала, - в государственной политике естественным образом возрастает значение всего, что формирует концепцию «социального государства». Социальная

логика государства во многом противоречит его экономизации и следованию неолиберальной, монетаристской экономической доктрине, которая предписывает сокращение государственных расходов, налогового бремени, социальных обязательств и повышение собственно экономической эффективности государства по аналогии с бизнес-субъектом.

Устойчивость и состоятельность государства в этой непростой ситуации можно определить в конечном счете аналогично общей теории критериев устойчивости систем. То есть способностью системы возвращаться в состояние равновесия при воздействиях и изменениях условий внешней среды, используя регулятор с так называемой отрицательной обратной связью, гасящей нарастание негативных тенденций. Социальные функции государства, так же как и экономические, как и функции обеспечения безопасности (военные, внешнеполитические), можно представить в виде своеобразной «пирамиды устойчивости». Отказ от исполнения части своих обязательств, исходя из политических, стратегических или иных причин, неизбежно отбрасывает государство на иной уровень устойчивости. Отказ или невозможность выполнения большей части своих функций превращает государственную систему в опасно-неустойчивый объект. После потери способности автоматически возвращаться в состояние устойчивого равновесия система идет «вразнос», и мы видим социальные потрясения, революции, дезинтеграцию и распад государственной системы.

Естественно (а уж тем более в условиях кризиса) государство всегда сталкивается и с серьезным изменением внешних условий, с новыми вызовами или новыми возможностями. Это может провоцировать бросить все силы на что-то одно, хотя бы временно закрыть глаза на часть своих базовых функций и обязательств. Решить главную текущую проблему или же сконцентрировать все ресурсы на реализации выгодного в данный момент проекта. Однако даже ситуативный сброс задач, отказ от своих функций сразу же вызывает расширение зоны неустойчивости системы. Сиюминутная эффективность (в виде бездефицитности бюджета или превращение в суперцель лишь одного параметра, например инфляции) осуществляется в ущерб основным функциям, задачам экономического и социального развития.

Это быстро приводит государство к состоянию неустойчивости, иссякают источники накопления ресурсов, их перестает хватать даже на ограниченный круг задач и уж тем более система становится не способна реагировать на новые изменения.

Способность государства быть государством устойчивого развития - то есть найти, поддерживать баланс и реализовывать всю систему своих обязательных функций и целевых задач даже в меняющихся условиях - превращается в главный критерий его эффективности и является ответом на вопрос: что значит быть сверхдержавой мира ближайших десятилетий?

Одновременно сам нынешний кризис показывает, в каком направлении будут эволю-

ционировать капитал и его взаимоотношения с государством. Сегодня бизнес по всему миру постоянно выдвигает одно главное требование, которое состоит в том, что необходимо создать капиталу не рыночные, но общественные, социальные гарантии производства и деятельности. Государственная антикризисная поддержка так и осуществляется (через бюджетные вливания, гарантированные инвестиции, субсидии, протекционизм) исходя из того, что разрушение экономики, разрушение бизнес-среды и капитала являются неприемлемыми издержками для развития стран, для социальных условий жизни граждан.

Однако это означает и то, что если все признают некоторую обоснованность претензий бизнеса именно на общественно гарантированные, а не рыночные требования к его выживанию или банкротству, то государство и общество, в свою очередь, могут и должны требовать от капитала общественного, социального, а не сугубо рыночного типа производства.

Речь идет о необходимости поиска новой модели развития капитализма, где государство становится партнером рыночной системы, разделяя риски, умеряя прибыли и не допуская олигархического сращивания власти и капитала. О коллективном решении и коллективном выборе государствами мира этого нового фундаментального приоритета для сохранения будущего цивилизации.

Все это будет означать отказ от доминировавших в мире на протяжении последних столетий

благодаря классическому капитализму идей примата экономического роста и максимизации прибыли и об их замене ценностями качественного устойчивого развития. Еще Макс Вебер в самой знаменитой своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» писал: «Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму и еще менее того его “духу”. Капитализм может быть идентичным обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае, его рациональному регламентированию».

Такое регламентирование, устанавливаемое государством и обществом в партнерстве (а не войне, как при социализме) с капиталом, вместе с новой этикой капитализма - основанной на социально значимом и ответственном, а не рыночном принципе накопления капитала - и будут составлять ядро посткапиталистической модели развития. Которая, несомненно, обретет в будущем и более четкие формы, и свое новое, полноценное имя.

Россия: особенности и вызовы кризиса

Причины нынешних проявлений кризиса в так называемом передовом капиталистическом мире и в России различны. На Западе они носят фундаментальный характер и связаны с крушением той порочной модели развития, на которую делалась ставка многие десятилетия.

В России ситуация выглядит совершенно иначе. У нас нет кризиса государства и государственной политики. Россия в основном завершила цикл восстановительного роста экономики после провала конца 1980-х и 1990-х годов и к моменту начала мирового кризиса вышла в точку перехода к стратегии модернизации.

В этом смысле фактор мирового кризиса ничего принципиально не поменял в системе базовых целей и задач социально-экономического развития, которые стояли перед нами. Должен произойти только ускоренный переход к их реализации. Но влияние мирового кризиса сегодня более четко обозначает болевые точки и перекосы в нашей экономике. Ведь приход кризиса извне, воздействие этой глобальной свистопляски на нас оказались существенными и весьма болезненными.

Есть две принципиальные причины такого развития событий и соответственно два дей-

ствующим фактора, от которых в период кризиса нам необходимо избавиться в первую очередь и безвозвратно. Это, во-первых, монетаризм и принципы его экономической политики, которые идеологически всегда были связаны с финансовым капитализмом и нанесли серьезный вред развитию России. А, во-вторых, низкое социальное качество бизнеса и соответственно «бизнес-элиты» (об «элитарности» в данном случае можно говорить только в кавычках), ее слабая ориентированность на задачи национального развития, слабая ответственность перед государством и обществом.

Устранение этих двух «генераторов кризисности» в нашем развитии абсолютно необходимо сегодня. Только при этом условии мы сможем успешно решить стоящие сегодня перед нами приоритетные оперативные задачи: перезапустить российскую экономику и сформировать стратегию выхода из кризиса, закладывающую реальную и достаточную экономическую базу для реализации последующих модернизационных задач, формирования инновационной экономики и инновационного общества.

Банкротство монетаризма и олигархии

Монетаризм стал наиглавнейшей причиной нашего кризиса. Вместо модернизации производственной экономики, как это успешно делает Китай, мы по самые уши вяпались в глобальный финансовый спекулятизм. Оплачивали свое уча-

стие в нем национальными резервами, инвестировавшимися на Западе. Наши резервы фактически возвращались к нам в упаковке глобального капитала и превращались в неподъемные долги.

Тот «ужас, ужас, ужас», в котором в настоящее время пребывают реальный сектор российской экономики, развитие внутреннего рынка, инвестиционный и потребительский спрос, возник не вчера, а существует все последние годы. Единственное, что произошло в условиях кризиса, - у экономики исчезли костыли, на которых она ковыляла вперед до сих пор, изображая жизнерадостность и крепкое здоровье, но отнюдь ими не обладая.

Исчезнувшие костыли - внешний спрос на российский сырьевой экспорт, который упал и в объеме, и в ценах, а также доступный и дешевый кредит, завязанный на внешние рынки, на иностранные деньги. Уберите эти две деревяшки из экономической реальности прошлого, и выяснится, что с экономикой все было бы примерно так же, как сегодня. А наступления нынешнего глобального экономического кризиса никто бы особо и не заметил: по принципу «у нас как было хреново, так осталось».

Фактически национальная экономика многие годы находилась в условиях денежного дефицита. Подорванная монетаризмом, она не могла ответить адекватным предложением на рост внутреннего рынка, выросший внутренний платежеспособный спрос. Зависимость от импорта из-за этого только росла и консервировалась. Не было

достаточного количества денег на кардинальную модернизацию и расширение производства. А если они появлялись, то экономически опасным и не всегда эффективным способом - через кредитные пирамиды внешних заимствований и финансовых спекуляций.

Сохранялась и сырьевая экономика, но возникла и куда большая проблема. В какой-то момент кто-то почему-то решил, что благодаря сырью можно самим ничего не производить, потому что «все купим». И страна стала жить по опасному принципу: «нефть в обмен на продовольствие», «газ в обмен на машины», «лес в обмен на лекарства».

Мы не производили и такой товар, как хозяйственная инфраструктура. За последние десятилетия у нас не было реализовано ни одного государственного проекта национального масштаба по развитию экономики и ее инфраструктуры. Не появилось принципиально новых крупных промышленных производств, новых ГЭС, кораблей, самолетов.

Спору нет, формирование Стабфонда и финансовой подушки безопасности - в принципе важная и необходимая задача. Но накопительство и припрятывание заначки превратились в самоцель и перешли границы разумности. Нужно, конечно, было сформировать резерв на черный день. Но в определенный момент нужно было и остановиться, направив средства, превышающие адекватный уровень Стабфонда, в экономику, на ее развитие, на расшивку инфраструктурного отставания и утоление голода на инвестиции.

Инфляция, дефицит товаров и импортозависимость, низкая скорость модернизации инфраструктуры и производственных мощностей - таков системный результат монетаризма. Как любой скупой, мы заплатили дважды: до кризиса - на инвестициях в развитие собственной экономики, а сейчас, в условиях кризиса, все равно вынуждены спустить сбереженные средства на текучку и затыкание дыр.

Борьбу с инфляцией можно, наверное, сделать главной и единственной сверхзадачей, когда у вас нет вопиющих и фундаментальных структурных проблем в экономике. Но превращение борьбы с инфляцией в самоцель политики при недоразвитой, отстающей реальной экономике, не способной без модернизации и диверсификации на основе масштабных инвестиций насытить внутренний рынок товарами и удовлетворить потребности внутреннего спроса, - все это стало, по сути, не чем иным, как политикой консервации нашего положения в качестве сырьевого придатка. Политикой создания колониальной зависимости страны от более развитых экономик. У наших монетаристов получается, что приток капитала приводит к инфляции и отток - тоже к инфляции. Что сильный рубль - инфляционная угроза, что слабый - та же история. Что много, что мало денег - все получается одно и то же. Как ни собирай, все пулемет получается.

Вот и в условиях кризиса рецидивы политики монетаризма продолжают оставаться главной

угрозой. Был сделан упор на спасение и поддержку банковской системы. Хотя банковская и, более широко, финансовая система являются по своему характеру лишь «надстройкой» и должны быть лишь инструментами обеспечения экономического равновесия.

Величина ставки рефинансирования ЦБ России была поднята до 13%. Вместо того чтобы заниматься основным делом - кредитовать реальный сектор, - банки полностью переключились на валютный рынок. Благо поиграть было чем: в дело пошли щедро розданные им деньги налогоплательщиков. Ставки по банковским кредитам были задраны до 25-30%. Реальный сектор получил остановку производства, но не пошел за кредитами по безумным ставкам, согласиться на которые означало фактически согласиться на самобанкротство. Предприятия предпочли путь сокращения затрат, производства, увольнения людей. Кредит умер. Почти умерло и производство. Оно до сих пор, по сути дела, в коме, и на восстановление теперь может уйти намного больше времени, чем в том случае, если бы Минфин и банки в течение всего кризиса не перекрывали кредитный кислород производству.

Финансовые власти проигнорировали исполнение своей обязанности регулятора экономики, допустившей серьезный сбой в работе. Рассматривая реальную экономику как объект регулирования при всем ее многообразии, следует выделить три составных элемента, обеспечивающих ее нормальное функционирование.

Первое. Наличие у предприятий оборотных средств. Когда кризисные процессы развиваются, в большинстве хозяйствующих субъектов снижается уровень оборотных средств. Государство, если оно заинтересовано в поддержании производства, принимает меры по облегчению кредитования через существенное снижение ставки рефинансирования и реального процента кредита.

Второе. Технология производства в кризисный период мало изменяет свой характер. Редкими и удачными считаются только те совершенствования, которые приводят к существенному снижению себестоимости выпускаемой продукции. В подавляющем большинстве случаев у предприятий в этот период нет возможностей для техперевооружения.

Третье. Помощь государства в сбыте произведенной реальным сектором продукции. В кризисной ситуации государство не может оставаться безучастным к усилиям реального сектора по реализации продукции, осложненным сокращением приобретений в потребительской сфере и общим снижением активности в реальном секторе. Государство может принять решение о защите отечественного производства от импорта протекционистскими мерами (опять же временными) и стимулированием спроса на жилье, приобретения сложной техники, автомобилей, увеличения строительства инфраструктурных объектов, дорог и т.д.

Эти задачи государства следует, конечно, рассматривать как временные, антикризисные.

Но они необходимы и должны обеспечивать поддержание производства, облегчение кредитования, инвестиции в инфраструктуру и технологическое перевооружение, протекционистскую защиту внутреннего рынка и стимулирование спроса населения на отечественную продукцию. Если государство проявляет пассивность в этих вопросах, страна не имеет перспектив выхода из кризиса.

Пришло время пересмотреть прежние догматы. В частности, понять, что все последние годы в мировой экономике финансовые рынки и монетаризм создавали риски и проблемы, а не решали их. Как в свое время точно заметил Кейнс, «когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов».

Уповать на монетаризм - значит или безосновательно надеяться, что кто-нибудь опять надует новый финансовый пузырь и все «образуется». Или, зажимая кредит и инвестиции для реального сектора, вести экономику к стагнации и одновременному росту цен. Такой намечающийся сейчас «сценарий долгосрочной стагфляции» крайне опасен для России и означает для нас ни больше ни меньше, как повторение 1990-х годов.

Проблема еще и в том, что при громадных доходах, профиците бюджета и финансовых резервах Россия в последние годы была очень крупным заемщиком на мировых финансовых рынках. Речь не о государстве, которое как раз с долговым наследием прошлого в основном расплатилось. Речь

о российском, а точнее, новорусском бизнесе, корпорациях и банках, которые набрали дутых кредитов и наделали навеселе внешних долгов больше, чем на 500 млрд долларов.

В 1990-х годах люди, не умеющие управлять, получили в результате крайне выгодной для ее архитекторов приватизации почти все, чем обладала страна, - нефть, автозаводы, металлургические, химические и алюминиевые предприятия и много чего еще. Но не смогли обеспечить их нормальную работу. А нормальный, традиционный менеджмент, руководители-производственники, пусть с советским, но с реальным трудовым опытом развития и финансирования промышленности, был устранен.

Наши либералы и приватизаторы могут, конечно, сколько угодно издеваться над советским прошлым (в основном, правда, прикрывая свою алчность и безграмотность). Могут насмеяться над «красными директорами» и Госпланом. Но эти самые директора и этот самый Госплан хотя бы знали, как работает промышленность, что, как и когда нужно делать, в том числе в условиях кризисов. Для них нужды производства и недопустимость остановки промышленности и потери рабочих мест всегда были приоритетом - и экономическим, и моральным.

Вместо системы планомерного развития экономики в 1990-х годах, в том числе из-за патологического желания тогдашней власти выслужиться и изобразить прогрессивную «личину» перед Западом, нам выкатили когорту новоявленных

«хозяев жизни» без реального производственного опыта, но с уникальными финансовыми аппетитами. Эти «капитаны» экономики ни разу не видели «моря», но готовы были взяться за руль любых финансовых потоков. Они были одеты в респектабельные костюмы, но рабочая спецовка им была чужда. Неумение этих людей заниматься реальной работой даже при очень больших деньгах - вот важнейшая из причин кризиса.

Слишком часто деньги, которые они занимали на Западе, шли вовсе не на развитие и модернизацию производства, а на спекулятивные операции или на покупку непрофильных активов. На игры в яхтсменов, медиамагнатов и футбольных специалистов. А национальное достояние, оторванное от государства в ходе приватизации, шло в залог этих игрищ.

Им хотелось побольше да побыстрее урвать, а не выстраивать долгосрочные стратегии развития производства, где и прибыли более умеренные, и ждать устойчивого и реального успеха нужно долго. Ждать не хочется, хочется всего здесь и сейчас. А как мы помним, за 300% капиталист готов на что угодно. Поэтому не производство, но идея купить, заложить, спекулировать, реструктурировать, срубить инвестиций, а потом продать и «выйти в кэш» как была, так и осталась главной философией нашего бизнеса.

Машинка приобретения счастья за счет внешних кредитов работала довольно долго, но вот западная кредитная кормушка захлопнулась. Хотя, возможно, правильнее ее назвать все же

мышеловкой. Потому что подсаживание «клиента» на иглу кредита и спекуляций, пускание пыли в глаза и взятие за долги активов ослепшего от такого счастья и «списка Форбса» доморощенного олигарха - всегда было главной задачей глобальной финансовой олигархии. Ее решение позволяло продвигаться к достижению основной цели - взятию под контроль и внешнее управление всей страны, лишению государства его реального экономического, а затем и национального суверенитета.

Это могло бы продолжаться еще какое-то время, если бы не кризис, который обнажил реальные способности этих магнатов и бизнес-воротил. Все они побежали к государству с криками о помощи. То, что Российское государство сегодня фактически спасает от ухода на Запад за долги стратегические активы национальной экономики, конечно, правильно. Но нужно извлечь очевидные уроки из случившегося.

Спасая стратегические активы и производства, мы не должны спасать олигархов и горестнобизнесменов. Государству необходимо национализировать не убытки, давая обанкротившимся собственникам и управленцам деньги на покрытие долгов, но национализировать - хотя бы временно, для наведения порядка - сами бизнесы, предприятия и корпорации. Там же, где национализация нецелесообразна, следует оговаривать поддержку государства или безусловными ограничениями в хозяйственных правах, или сменой собственника.

Национализацию справедливо проводить по кризисным, «обвальным», а не рыночным ценам. Цель временной национализации сегодня - сохранить суверенитет страны в важнейших отраслях, поставить на ноги производство и обеспечить занятость, налоговую базу бюджета и насыщение реального сектора экономики своей продукцией. Вложить средства в новые мощности, науку и модернизацию.

А вот после всех решений по стабилизации и после перехода на этап развития можно осуществить процесс приватизации уже по реальным рыночным ценам, в пользу реальных эффективных собственников. С опорой на тот бизнес, на предпринимателей - а они, конечно, есть! - которые реальным делом и реальным производством доказали свою способность эффективно управлять.

Перезапуск экономики и его моторы

Сегодня время противопожарных мер, когда нужно было тушить панику, действовать вынужденно, ситуативно и просто отгаскивать экономику от края пропасти, прошло. Все немного успокоилось. Это хорошо. Значит, теперь самое время начинать разгребать более глубокие завалы и извлекать из кризиса уроки для последующего развития. Настал тот момент, когда действия государства должны строиться не только как реагирующие на кризис, но как предотвращающие его опасные последствия.

Поддержка не финансовых игр, а реального сектора экономики. Импортозамещение и полноценный внутренний рынок качественной отечественной продукции. Доступный кредит для ее производства. Новые рабочие места и как результат обширный внутренний спрос на наши товары - вот интегральная формула выхода из кризиса и минимизации его последствий.

Главная оперативная задача - перезапуск экономики, реального сектора. Этого до сих пор не происходит из-за коллапса кредитования экономики (высокие ставки, пассивность и низкая социальная ответственность банков, «плохие долги»).

В таких условиях концентрация усилий монетарных властей (ЦБ и Минфин) на целях сдерживания инфляции и оправдание этим сохраняющегося «безденежья экономики» - опасны и вредны. Минфин с убийственным упорством продолжает экономить деньги, подкапывать на выросшей нефти средства, объясняя, что нам опять нужен резерв на случай второй волны кризиса. Однако все наоборот. Именно продолжая искусственно ограничивать государственный спрос и вновь не реагируя на аховую ситуацию в реальной экономике, наши финансовые власти эту самую вторую волну - закрытия производств и увольнений своими руками и создают.

Необходимо резкое снижение процентных ставок по кредитам, снижение ставки рефинансирования до уровня 4-6%. Ссылки на то, что высокая инфляция требует высоких ставок, неадекватны.

Инфляция и ее размер прямо зависят от ставок. Высокие ставки разгоняют, толкают вверх инфляцию, поскольку производители начинают закладывать высокие ставки в цены.

Для скорейшего выхода из кризиса необходимо также расширить возможности регионов помогать предприятиям, поддерживать экономику. Несмотря на недальновидную и ошибочную позицию Минфина, необходимо восстановить права субъектов Федерации на выдачу бюджетных кредитов. Задача регионов, в отличие от коммерческих банков, не зарабатывать прибыль, а дешевыми и льготными кредитами поддержать производства и зарплаты, рабочие места населения.

Для выхода из кризиса экономике нужны максимально длинные и максимально дешевые деньги по 'отрицательным ставкам», то есть ниже инфляции. Отрицательные ставки будут сдерживать рост цен производителей. Они необходимы не только на восстановление экономики, но и на инновационные проекты, импортозамещение. Какая может быть модернизация и диверсификация экономики, какие могут быть масштабные технологические инновации и НИОКРы (расходы на которые в мире в условиях кризиса растут сейчас в разы) при кредите на полгода или максимум год и отсутствии стратегических долгосрочных государственных инвестиций? А если уж монетарные власти так беспокоятся об инфляционном давлении текущих расходов, то логично было бы ожидать от них внятных действий, направленных на то, чтобы дать в экономику длинные и неин-

фляционные деньги. Но мы не видим никакого реального движения вперед ни по развитию рынка гособлигаций, ни по стимулированию инфраструктурных инвестиций.

При этом нужно выделить приоритетные отрасли и сектора для наращивания государственных инвестиций и насыщения экономики длинными деньгами. Эти сектора станут мультипликаторами восстановления экономики. Помимо поддержки стратегических производств и оборонного комплекса (безусловная обязанность государства и защита суверенитета) такими секторами являются жилищное и инфраструктурное (дорожное, энергетическое и т.д.) строительство. Каждый дом или дорога - это спрос на металл, на цемент, на лес, на технику и оборудование, на транспортные перевозки, на рабочие руки. Это - рабочие места, восстановление производства и зарплаты во многих отраслях.

Мы импортируем много продуктов, автомобилей, одежды. А дома и дороги мы не импортируем. И это не сырье, что мы гоним на экспорт, а сложная продукция. Это одна из основ нашего внутреннего производства, внутреннего спроса. Строительство - отрасль, которая была локомотивом и разгоняла экономический рост в предыдущие годы. Могла бы она быть и тягачом выхода из кризиса. Тем более что это не просто отрасль производства, но отрасль повышения качества жизни людей, увеличения трудовой мобильности, а в нынешних условиях - еще и отрасль спасения среднего класса.

Период кризиса нужно использовать и для того, чтобы ликвидировать то отставание по инфраструктуре, которое было у нас накоплено в последние годы. Благодаря плану Рузвельта выход из депрессии 1930-х годов в США обеспечило именно строительство дорог, иной национальной инфраструктуры. Сегодня по этому пути идет Китай. И нам явно есть что строить и развивать. Например, Россия сегодня строит в год 2-2,5 тыс. километров дорог, а необходимо на перспективу, по расчетам, еще 250 тыс. километров. Такими темпами мы будем строить необходимую инфраструктуру более 100 лет. Наш годовой объем строительства дорог - это то, что Китай строит сейчас буквально за 10 дней, максимум - за две недели.

Поддержка реальной экономики в условиях кризиса нужна не только для производства как такового, но и для того, чтобы сохранить существующие и создать новые рабочие места. Задача задач государства - сохранить или дать людям работу, стабильную и с достойной оплатой. Уровень безработицы является синтетическим показателем того, как в социальном плане чувствует себя общество. Если есть занятость, значит, есть рост производства, все в порядке в семьях, есть бюджет и спокойствие в обществе.

Наконец, нельзя допустить, чтобы пока еще только едва наметившийся выход экономики из кризиса пошел по сценарию восстановления без создания новых рабочих мест. А сейчас такая опасность формируется. Бизнес, ожидая с 2011 года роста социальных налогов, склонен еще бо-

лее минимизировать занятость и оптимизировать рабочие места, даже несмотря на перспективы оживления экономики.

Но выкинуть людей с опытом, квалификацией и мозгами на улицу, - пусть и дав им пособия по безработице, предложив перебиваться неквалифицированным трудом и ждать, когда кончится кризис, - это путь в никуда. На выходе из кризиса мы тогда получим растрату человеческого капитала. Невозможность быстро вновь собрать квалифицированные кадры на производстве, в управлении, в финансовой сфере. Получим утрату рабочих традиций, если закроем заводы и конвейеры, утрату технологий и передачи опыта. Получим, если не поддержим «белых воротничков» и малый бизнес, практически полное исчезновение среднего класса общества, его усыхание до «наноразмеров». Социальное государство допустить такого не может.

В первую очередь здесь нужно оказать усиленную поддержку малому и среднему бизнесу - то есть тому «гумусному слою» экономики, который способен быстро и эффективно решать вопросы создания новых рабочих мест, импортозамещения, а также инновационной и сервисной поддержки крупных производств.

Протекционизм и защита граждан на рынке труда также являются безусловным приоритетом. Ограничение квот для мигрантов - только первый шаг, чтобы сделать политику преференций для своих работников постоянной и долгосрочной. Мы должны оставаться непреклонными и в нашем от-

ношении к необходимости более ответственного регулирования миграции. Тем более что эта проблема становится не только одной из ключевых для ведущих стран мира, в посткризисном мире она превратится в один из важнейших вопросов международного сотрудничества всех социально ответственных государств.

Мы в России, если не хотим «проспать свое будущее», не можем мыслить категориями «за нас все дядя сделает» и подсаживаться на иглу заемных кадров и трудовых ресурсов, а потом тихо на ней помирать как суверенное государство. Мы должны четко регулировать объем миграции, и для этого нужны социально и экономически обоснованные квоты.

Миграционные ресурсы нужно направлять в те отрасли экономики, где они действительно нужны, и таким образом контролировать ситуацию, чтобы бизнес не занимался «экономическим развратом». Дешевизна рабочих рук мигрантов развращает бизнес, снижает его социальную ответственность, не дает развивать инновационные подходы, собственное профессиональное образование, воспитывать свои кадры.

Поддержка уровня доходов и потребления граждан - еще один, но едва ли не важнейший сегодня вопрос для того, чтобы экономика могла восстанавливаться и развиваться. Сегодня угроза второй волны кризиса связана именно с опасными тенденциями в падении потребительского спроса.

Возьмем для оценки ситуации период до августа 2009 года. Вот официальные данные: падение

оборота розничной торговли в России в августе 2009 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года ускорилось до 9,8%. А всего за восемь месяцев текущего года товарооборот снизился на 4,7%. В нынешнем августе реальные располагаемые денежные доходы населения России снизились на 6,8% по сравнению с августом 2008 года, уменьшившись на максимальную величину с декабря прошлого года, когда они упали на 7,8%. В целом за январь - август 2009 года доходы в реальном выражении снизились на 0,7% по сравнению с тем же периодом прошлого года, тогда как в предкризисные январь - август 2008 года они выросли на 7,1% по сравнению с январем - августом 2007 года. Реальная начисленная зарплата упала на 5,6%, а с учетом задолженности (которая вдвое выше, чем год назад) еще больше.

На этом фоне сокращение темпов инфляции радует не так уж сильно - в первую очередь замедление инфляции объясняется именно падением потребительского спроса. Мы имеем дело с очень опасной ситуацией. Экономика вслед за кредитом теряет покупателя. Падение конечного потребительского спроса, а также промежуточного спроса в экономике становится сегодня важнейшей проблемой. Нехватка денег движется волной от недостаточного кредитования предприятий к убыли их оборотных средств, к сокращению зарплат и рабочих мест, к падению доходов работников и потребительского спроса.

Далее круг замыкается и превращается в так называемую «нисходящую спираль Кейнса»,

которая была главным кризисным механизмом Великой депрессии: вместе с потребительским спросом падает потребность в продукции предприятий, начинается новая волна сокращений, новое падение доходов и потребительского спроса. Этот чудовищный маховик уже начал у нас раскручиваться. И именно это в ближайшие месяцы может обрушить все надежды на восстановление производства и экономического роста.

Ожидания государства, что потребительский спрос подстегнет существенное и действительно беспрецедентное повышение пенсий, оправданы лишь частично. Выполнение государством пенсионных обязательств - крайне важный социальный шаг и решение, позволяющее значительному числу граждан отойти подальше от края бедности. Однако с точки зрения стимулирования общего потребительского спроса для экономики эффект может быть не столь существен - из-за высокой склонности пенсионеров к сбережению и накоплению. Конечно, эти деньги все равно придут в экономику, хотя бы и через банковскую систему, но для восстановления спроса нужны и другие серьезные государственные меры.

Государство обязано не допустить дальнейшего раскручивания нисходящей спирали Кейнса. Расходы государства есть в таких условиях не что иное, как доходы населения, потребительский спрос, рост инвестиций и производства. Это позволяет вырваться из дурной бесконечности спирали и восстановить экономику. Необходимо поднять спрос. Причем быстро и радикально!

Для этого необходима встроенная в федеральный бюджет государственная целевая программа, стимулирующая потребление через кредитование покупателя под минимальный процент и на максимально возможный срок. Целевые, «окрашенные» кредиты или субсидии должны выдаваться на приобретение товаров именно отечественного производства. Гражданам - на приобретение жилья, земельных участков, автомобилей; малому бизнесу - на покупку техники, оборудования, приборов, на ипотеку офисов и так далее.

Чтобы такие меры стимулирования внутреннего спроса сработали, необходимо дополнить их национальной программой по импортозамещению в производстве массовой продукции, повседневных товаров и товаров длительного пользования, в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве.

Нам нужен полноразмерный внутренний рынок национальной продукции в тех секторах, в которых мы способны производить качественные и дешевые товары. А таких секторов у нас масса, и их потенциал сильно недооценен. Страна, создавшая когда-то несметные флотилии гражданской авиации, сегодня выпускает практически только военные машины. Страна, добывающая нефть и газ, покупает за рубежом бытовую химию, полимеры, мыло. Даже подарки мы дарим друг другу китайские. Нужна программа под лозунгом не только «Покупай!», но и «Производи и покупай российское!». Это будет иметь не только экономический, но и важный политический, патриотический эффект.

Особенно важны такие меры в аграрном секторе. Россия имеет 9% посевных площадей мира, а продукции сельского хозяйства производит немногим больше 1%, обеспечивая себя продовольствием лишь наполовину.

Быть сырьевой державой в аграрной сфере - это не зазорно, а необходимо. Способность каждого заработать на кусок хлеба является главным принципом личной свободы. А способность любого народа и страны прокормить себя остается основой национального суверенитета. Тем более сейчас, когда мир поразила аграрная инфляция, бурный рост цен на сельскохозяйственное сырье и продовольствие. Речь идет о том, что они будут становиться стратегическим сырьевым ресурсом и предметом глобальной конкуренции в не меньшей степени, чем те же энергоносители. Ситуация в мире сегодня характеризуется началом глобальной войны между нефтью и хлебом на сельскохозяйственных полях. Точнее, войны между углеводородами и биотопливом как главными энергоносителями для цивилизации.

В предстоящие десятилетия проблема нехватки и удорожания продовольствия станет одной из основных глобальных проблем. Уже сейчас на планете - почти миллиард человек, которым сегодня и в последующие годы скорее всего будет элементарно не хватать продовольствия или денег, чтобы его приобрести. Наряду с пресловутым жирным и лоснящимся «золотым миллиардом» на Земле отныне будет и другой - не такой сверкающий, а, совсем напротив, униженный и истощенный миллиард.

В этих условиях умение обеспечить и себя, и весь мир не только газом и нефтью, но зерном, продовольствием - признак не отсталости, а силы и лидерства. Мы должны и имеем возможность стать такой страной в ближайшие десятилетия. И тогда мы будем одной из главных и наиболее устойчивых экономик мира. Вернув в оборот миллионы гектаров пашни, повысив урожайность и двинув на север, на сотни километров, возможности выращивания многих сельхозкультур, Россия вполне может решить системную задачу - выйти на уровень производства зерновых из расчета одна тонна на человека. Производя сегодня порядка 80 млн тонн зерна в год и добившись роста на 50-60 млн тонн, мы вполне сможем обеспечить основной объем внутренних потребностей, включая главную проблему - освобождение от ярма кормовой зависимости отечественного животноводства.

В сельском хозяйстве и производстве продуктов питания мы имеем потенциал полного самообеспечения по зерну, мясу птицы, свинине, молоку, по большинству овощей. Можем кардинально снизить импортозависимость по говядине, на современных технологиях в разы увеличить производство кукурузы и иной кормовой базы животноводства. Россия имеет огромный экспортный потенциал по зерну и может с Казахстаном и Украиной создать «зерновую ОПЕК». Как только Евросоюз отменит свои субсидии по зерну, мы можем претендовать на половину тамошнего рынка, не говоря уже про Африку, Китай, Индию.

Вместе с развитием аграрной экономики необходима и полноценная программа социального развития села. России следует осознать и решить поистине фундаментальную социологическую проблему - обеспечить возвращение людей на землю. Нарастающая урбанизация страны, концентрация населения в крупных городах и, в частности, в мегаполисах - это большая проблема. Мировые тенденции указывают на бесперспективность и паубность такого пути, необходимость из соображений демографической и национальной безопасности способствовать деконцентрации населения и разукрупнению городов, росту пригородов и их агломераций, возвращению населения в деревню.

Нужно выравнивать и экономические условия существования, и всю инфраструктуру жизни, качество «жизненного пространства» в городе и деревне. Необходимы современное жилищное строительство на селе, развитие дорожной сети, газификация, создание принципиально нового качества образования и здравоохранения, развитие торговли, сферы культуры, промыслов и «деревенского туризма». Такие инвестиции могут быть сегодня важным направлением контркризисных мер.

Модернизация сельской инфраструктуры, строительство в России новых поселков и малых городов станут важнейшим инструментом демографического роста, повышения рождаемости и продолжительности жизни населения. Массовый сельский средний класс, массовый и многодетный

«сельский буржуа» - как раз то, что необходимо России и сегодня, и на десятилетия вперед.

Не проспать посткризисный мир

Центральный вопрос сегодняшнего дня для всех стран мира - поиск собственной «стратегии выхода» в посткризисный период. Страны, которые первыми и наиболее эффективно это сделают, окажутся лидерами развития после кризиса и будут задавать экономические и социальные стандарты мирового развития. Россия имеет все шансы и должна быть среди лидеров. Важно не упустить, не проспать эти шансы.

В 20-х годах прошлого века выдающийся русский экономист Николай Кондратьев сформулировал модель больших циклов развития мировой экономики, связанных с инновационным движением «вверх по лестнице» смены и совершенствования производственных сил, технологий, эффективности капитала. Сегодня эту логику восходящих циклов принято называть сменой «технологических укладов». Каждый из них создает свои «моторы» роста и качественного развития для системы, а национальная конкурентоспособность отдельных стран и их место в текущей версии «глобальной геоэкономической пирамиды» зависит от способности если не возглавить, то оседлать волну нового уклада, те технологии и идеи развития, которые лежат в его основе.

Однако как эти самые «моторы», так и сами лидерство и конкурентоспособность не вечны.

Каждый большой Кондратьевский цикл продолжительностью около 40-50 лет (с тенденцией к сжиманию, укорачиванию каждого нового цикла из-за большей интенсивности и ускорения экономических трансформаций) состоит из двух стадий - «повышательной» (продолжительностью 20-30 лет) и «понижательной» (длительностью около 20 лет).

На стадии роста новый технологический уклад разгоняется, аккумулирует, концентрирует и эффективно использует капитал для перехода на новый уровень развития производительных сил и технологий. Фаза же спада внешне может даже характеризоваться расцветом отраслей и технологий экономики текущего уклада, их частичным усовершенствованием, расширением и диффузией применения во всех экономических и социальных сферах, копированием и внедрением не только в странах-лидерах, но и на периферии глобальной экономики.

Однако главная экономическая особенность этого периода, когда очередной уклад начинает выдыхаться, состоит в потере эффективности использования капитала от еще недавно прорывных технологических идей. Происходит неуклонное снижение КПД тех самых «моторов роста», они устаревают, становятся «общим местом» экономики. Капитал начинает искать новую «золотую жилу» и «идеи будущего» для экономики.

Это, конечно, может быть и спекулятивная модель надувания финансовых пузырей, как, собственно, и произошло на рубеже нового века, ког-

да в рамках уже выдыхающейся волны роста пятого Кондратьевского цикла, выстроенной вокруг индустрии микроэлектроники, компьютерных технологий, идеологии информационного общества, была построена система транскапитализма. Возможно, финансовую олигархию и вдохновляла подспудная мысль обмануть законы цикличности, разорвать цепочку объективных циклов с помощью нехитрой манипуляции - объявления экономики виртуальных денег своеобразной вершиной информационного общества и экономики, выстроенной вокруг информационных технологий. Однако, как мы видим сегодня, придумать и организовать подобный «конец истории» для циклов развития мировой экономики не получилось.

Пятый Кондратьевский цикл с нынешним мировым кризисом перешел в свою финальную стадию. Скоро произойдет переход к новому, шестому, технологическому укладу. Он скорее всего будет вырастать из новой архитектуры мировых финансов и торговли («всемирный доллар» и ВТО в нынешнем виде нынешний кризис вряд ли переживут), новых технологических моторов (био- и нанотехнологии, квантовые компьютерные технологии, новая энергетика), переосмысления роли природных ресурсов в экономике, а также ориентации на «сверхкапитализацию» человеческого потенциала, образования и науки. Крушение «старого капитализма» вовсе не означает, что логика больших циклов и технологических переходов прервется или кардинально изменится. Напротив, посткапитализм, построенный на новых

принципах частно-государственного партнерства, приведет к тому, что и бизнес, и государства рванут к новому укладу рука об руку, еще быстрее и еще стремительнее, чем это могло бы произойти в ином случае.

Следует прислушаться, наконец, к нашему великому экономисту-соотечественнику и извлечь необходимые уроки. Если в 30-х годах прошлого века Советский Союз смог на сломе третьего Кондратьевского цикла осуществить необходимую индустриальную модернизацию, то следующий переход 1970-х годов был страной позорно пропущен. Это произошло, конечно, не без «помощи» Запада, который сознательно стремился ограничивать для СССР возможности доступа к новым компьютерным и иным технологиям. Однако главную ошибку сделала все же сама советская система. Между модернизационной работой и нефтяной иглой экспортно-сырьевой экономики советские вожди выбрали последнюю.

Фундаментальный вопрос сегодняшнего дня заключается в следующем. Чтобы «не выпасть из будущего» и не прекратить своего существования в качестве значимого субъекта мировой политики и экономики, страна не может позволить себе пропустить два технологических перехода подряд. Иначе говоря, для России ближайшие 10-15 лет являются моментом истины и жестким экзаменом не только на глобальную конкурентоспособность, но и на «наличие будущего» как такового.

Мы не должны сегодня рассчитывать на то, что мировой кризис скоро кончится и мы сможем

как-то его пересидеть и, вновь опираясь на монетаристские манипуляции, дождаться эфемерного отрастания цен на нефть или восстановления глобальной финансовой системы, биржевых котировок и дешевого западного кредита. Это было бы больше, чем ошибка. А некоторые признаки упования на такой сценарий все еще, к сожалению, есть, они иногда проскальзывают в деятельности и государства, и бизнеса.

Нынешний кризис означает для нас безусловный конец сырьевой экономики, экспортно-ориентированной на энергетические ресурсы и импортозависимой на все остальное. Нам следует научиться жить независимо от того, что в действительности будет с нефтью через год или через два. Давайте поймем то, что к 2030-2040 годам от нынешней роли нефти в мировой экономике скорее всего не останется и следа.

Даже сейчас, когда страна получает от нефтяного экспорта порядка 100 млрд долларов в год, доходы, к примеру, Индии от экспорта программного обеспечения и услуг, деятельности «контакт-центров» и поддержки бизнес-операций уже к 2010 году достигнут 60 млрд долларов и будут дальше расти. Числа сопоставимые, а где-то пугающе тождественные. Только еще нужно учесть, что мы распродаем невозобновляемые национальные богатства.

На таком фоне наши нынешние представления о национальном достоянии и собственном энергетическом величии изрядно меркнут, если не сказать больше. Правы экономисты и истори-

ки, утверждающие, что обладание природными богатствами и сырьем очень часто оборачивается не благом, а «сырьевым проклятием». Возможно, и правда все дело в том, что у кого нет сырья, у кого голова и руки не заняты все время выкачиванием нефти и ее экспортом, тот просто-напросто имеет больше времени, чтобы думать. Если мы действительно не хотим быть «проклятыми», прежде всего нашими потомками, эту ситуацию необходимо менять.

С другой стороны, отказ от сырьевой модели развития вовсе не означает, что мы должны пытаться просто перескочить в чудный постиндустриальный мир. Всего лишь заменить нефтяные трубы нанотрубками, а газовые сети - сетями компьютерными. Двигаться в этом направлении тоже, конечно, необходимо. И нынешние усилия государства как по формированию системы приоритетных направлений технологической модернизации, так и по созданию инфраструктуры инновационной экономики абсолютно правильны.

Только нельзя забывать, что для успешной модернизации всенепременно нужна широкая база реальной производственной экономики. Массовое внедрение новой техники и технологий, смена технологической основы экономики должны не повисать в воздухе красивой картинкой для отчетности «вот что мы в принципе можем», а формировать мощь современной индустрии, которой должна располагать страна.

Любая модернизация, даже если она ставит перед собой в перспективе задачи выхода на

передовые рубежи высоких технологий и постиндустриальной экономики, тем не менее всегда опирается и отталкивается от индустриального развития, развития промышленности, реального сектора экономики. Признаком любой модернизации является опережающий рост промышленности и строительства по отношению к росту ВВП. Если же космическими темпами растут только финансовый сектор, торговля и сфера услуг, да еще полностью зависимые от импорта, то это не модернизация, а ничем не обоснованное и незаработанное создание банального «общества потребления» и проедание собственного будущего.

В последние годы во многих секторах мы объективно перешагнули рубеж, когда система производительных сил и инфраструктура еще советского периода окончательно устарели и уже не могут, подобно ступени ракеты, вывести нас на качественно новый уровень. Экономика страны подошла к ситуации, когда возможности «восстановительного роста» на уже существующих производствах практически исчерпаны. Загрузка заложенных еще в советский период производственных мощностей до нормативного уровня либо же их частичная реконструкция и модернизация уже состоялись, потребности дальнейшего расширения экономики и бизнеса диктуют необходимость строительства новых производств. На пороге такой ситуации находятся многие отрасли экономики - нефтепереработка, машиностроение, энергетика, строительная индустрия и другие.

Поэтому процесс диверсификации должен опираться на решение фундаментальной задачи - нужно запустить процесс формирования новой производственной базы и инфраструктуры, развертывания новых производительных сил, формирования сети принципиально новых производств.

Это требует решающей координационной роли государства в системе частно-государственного партнерства с бизнесом. Ведь сегодня, при принятии решений о создании новых производств, бизнес, как всегда, ориентируется на краткосрочную, максимум среднесрочную перспективу возврата инвестиций. Сверх того, планирование развития нельзя строить, опираясь только на финансовые показатели виртуальных капитализаций компаний, независимо от того, что они производят, делают ли это хорошо и производят ли вообще что-то реальное.

Нельзя пускать на бизнес-самотек и развитие отдельных отраслей промышленности и их кластеров. Например, в последние годы как грибы растут автосборочные заводы. Понятно, что это решает некоторые задачи - создание рабочих мест, оживление отечественного производства автозапчастей и т.д. Но здесь не решается принципиально вопрос инноваций, обновления и развития отечественного машиностроения, двигателестроения. И что будет через 5-10 лет, когда эти «автосборки» начнут устаревать? Будет ли их кто-то модернизировать, будут ли иностранные автоконцерны озабочены поддержанием отече-

ственного производства, или они, как «цыганский табор», снимутся с места, закроют завод и пойдут дальше искать себе новые площадки для дешевого производства?

Уже сегодня мы видим, что пройдет еще максимум 7-10 лет и более 25% машин в мире будут ездить на гибридных двигателях, биотопливе, водороде и прочих альтернативных источниках энергии. Это происходит сейчас не только в Европе (где тема малолитражек и новых автотехнологий прижилась давно), но и в США. Обама спасает американский автопром, выделяются большие деньги, но под очень четкие цели - уже через несколько лет американцы должны пересесть на маленькие автомобили, гибриды и даже электрокары. Уже в следующем году свой первый электроавтомобиль создаст и выпустит на рынок Китай. И это тоже государственная политика.

На таком фоне вовсе не оптимистично выглядят у нас даже перспективы покупки западных автопроизводителей, если результатом будет только приобретение нами заводов, делающих стремительно устаревающие машины на бензиновых двигателях. Вновь, как и 30 лет назад, остаться на месте, когда мир опять совершит новый скачок, мы себе позволить не можем.

Все это лишний раз доказывает, что только государство может адекватно оценивать комплексные долгосрочные задачи развития экономики, взаимосвязи отраслей, регионов для решения этих национальных задач. Если у социализма и было системное преимущество перед капиталистиче-

ской системой, то оно, наверное, состояло именно в наличии системы долгосрочного планирования национального развития. Именно этот «элемент социализма» капиталистические государства перенимали очень активно и продолжают применять до сих пор.

Мы же должны эту систему восстановить. Отличительной чертой советского Госплана было наличие фундаментальной научно-исследовательской базы. Отдельный государственный Совет по изучению производительных сил по непосредственному заказу министерств производил ежегодные комплексные исследования по различным проблемам размещения производительных сил. Сегодня это планирование утрачено, и мы несем огромные и ненужные издержки только на том, что вынуждены таскать ресурсы, сырье, трудовые потоки по всей стране вместо того, чтобы делать все компактно и по отношению к организации производства, и по отношению к потребителю.

И крайне важно всегда помнить, что постиндустриальная эпоха не означает экономику без индустрии, а, напротив, опирается на нее как на первую, «разгонную» ступень любой новой технологической революции и нового экономического уклада. Поэтому для России главный вопрос сегодня - это настоящая сверхиндустриальная модернизация, то есть создание новой индустрии и собственного массового (в том числе импортозамещающего) товарного предложения для внутреннего и внешнего рынков товаров, технологий и услуг.

Инновации прежде всего должны питать традиционные отрасли экономики, увеличивая там добавленную стоимость, резко уменьшая издержки и обеспечивая значительный рост производительности труда и капитала. Инновации дают значительный прирост экономики, если они проникают во многие ее сферы и формируют общий высокий уровень технологической развитости, а не отдельные «эвересты» при полной отсталости среднего уровня производственной системы и ее фактической недееспособности.

Только на этой базе, одновременно создавая задел для масштабной инновационной деятельности, создания принципиально новых продуктов, процессов и технологий, мы сможем уверенно войти в шестой технологический переход и максимально использовать наши конкурентные преимущества в создании новой экономики, которые у нас, конечно, есть.

Россия, действуй!

Сегодня Россия находится в ситуации решающего выбора. Этот выбор состоит даже не в том, что нам необходимо перейти от стратегии стабилизации в развитии к решению задач качественного модернизационного рывка. Здесь как раз никакой альтернативы нет. Эта необходимость осознана государством и в плане формирования долгосрочной стратегии развития страны до 2020 года, и в уже выделенных приоритетах технологической модернизации экономики.

Главное сейчас - это необходимость и скорость перехода к действиям, и к действиям вполне конкретным. От того, куда и как пойдет страна в ближайшие 10 лет (не только какой выбор действий, но и какие результаты будут достигнуты за это время), во многом зависит судьба России на несколько десятилетий вперед, вплоть до середины столетия. Многие решения нужно принимать, отдавая себе отчет, что запас времени для маневра не так велик, как кажется или как хотелось бы. Под влиянием факторов глобального развития и трансформаций капитализма это «время на размышление» будет только сжиматься и сокращаться.

Чтобы создать и сохранить свое будущее, необходимо выделить ключевые проекты не только экономико-технологической, но и общей социальной и государственно-управленческой модернизации страны.

Ими программа модернизации, конечно, не исчерпывается, но в них коренится ее успех. Они должны быть такими, которые «зацепят» самую суть многих проблем и нашей экономики, и нашего общества. Укажут принципиальные направления прорыва, потянут за собой множество других вопросов, решений и позитивных последствий для развития страны. Об этих ключевых «локомотивах модернизации» и нужно поговорить подробнее.

Бережливая Россия

В ряду проблем не только российской экономики, но и национального образа мысли и жизни есть одна, решение которой становится первейшим и на сегодня самым важным приоритетом российской модернизации, затрагивающим к тому же каждого гражданина страны. Это - беспрецедентно высокая энергозатратность не только экономики, но всего нашего образа жизни. Мы тратим много ресурсов - энергии, воды, топлива, металла, дерева. Избыточно много, безоглядно и безответственно. Даже таких, как у нас, богатейших природных ресурсов рано или поздно не хватит, чтобы компенсировать нашу неэффективность

Энергозатратность в очень серьезной степени определяет отсталый тип нашей экономики. Для

нее характерна низкая конкурентоспособность отечественной продукции на внутреннем и глобальном рынках. Допотопный уровень производительности труда в экономике. Буксующее импортозамещение. Удручающие бюджеты российских домашних хозяйств и несовременное качество жизни людей. Ухудшающаяся экологическая обстановка. Высокая интенсивность истощения запасов и потенциала экспорта энергоносителей, увеличение необходимых инвестиций в их дорогостоящую добычу.

При сохранении существующего уровня энергозатратности через 15-20 лет мы окончательно пройдем «точку невозвращения» в неконкурентоспособности нашей страны и рискуем потерять экономическую состоятельность. Россию может ждать тогда «доживание последних дней»: стремительное скатывание в периферию глобальной экономики и политики без надежд на будущее.

Если кажется, что в оценке проблемы энергозатратности высок градус алармизма, то это не так. Мы слишком долго - по меньшей мере лет 30-35 - недооценивали серьезность вопроса. Знаменитый нефтяной кризис начала 70-х годов прошлого века привел к тому, что ведущие страны мира сделали энергоэффективность и ресурсосбережение одним из главных приоритетов стратегии своего развития, перестройки экономики и всего порядка повседневной жизни государства, общества, своих граждан. Произошедшая тогда первая ресурсосберегающая революция привела к смене модели мировой экономики. Сделала

энергоэффективность одним из основных моторов инновационного роста, важнейшим направлением совершенствования производственных сил, технологий, эффективности капитала.

У нас же за последние десятилетия в сырьевой зависимости и низкой энергоэффективности экономики России, к сожалению, мало что изменилось. Нынешний глобальный кризис, случившийся после комфортных для нас и вряд ли уже способных повториться «тучных лет» высокой сырьевой конъюнктуры, является последним шансом для возможной модернизации отечественной экономики. Планы и стратегии самых разных стран мира по выходу из кризиса не оставляют в этом особых сомнений.

Согласно экспертным подсчетам, в странах «большой двадцатки» крупнейших экономик мира инвестиции и иные средства, которые направляются в рамках борьбы с кризисом на возобновляемые источники энергии, новые виды топлива, экологические технологии, энергоэффективность зданий, ресурсосбережение, управление отходами и т.д., составляют в среднем порядка 15-16% расходов антикризисных пакетов мер.

Перспективные научные исследования и разрабатываемые стратегические проекты, которые сейчас растут по всему миру, связаны с энергоэффективностью еще больше. До 2020 года Китай планирует вложить 200 млрд долларов в то, чтобы увеличить долю возобновляемых источников энергии в общем энергопотреблении более чем в два раза и довести эту долю до 15%. В передовых

странах Европы к тому же времени доля возобновляемой энергии вырастет до 35-40%. Крупнейшие западноевропейские корпорации готовы вкладывать очень большие деньги (более 400 млрд евро) в идеи, которые еще вчера казались фантастическими и нереалистичными. Речь идет, в частности, о раскручиваемом сейчас проекте Desertec - строительстве в африканской Сахаре огромных полей из солнечных батарей. И эта сеть солнечных электростанций будет способна потом обеспечивать до 15-20% всех потребностей Евросоюза в электроэнергии.

Тем временем мы по-прежнему остаемся чемпионами мира в части проедания энергии. Россия занимает сегодня третье место в мире по объему энергопотребления (после США и Китая), но при этом тратит больше энергии на единицу ВВП, чем любая из стран, входящих в число крупнейших потребителей энергии. По данным Всемирного банка, в единице продукции, произведенной на территории России, 40% затрат приходится на энергию, а в тех же США - 18%, в ведущих европейских странах и того меньше. Иначе говоря, мы пытаемся играть на поле мировой экономики, заранее давая фору конкурентам в два-три мяча.

Бесконечно затыкать неэффективность и низкую производительность национальной экономики только сырьевым экспортом и доходами от него не получится. По мере исчерпания доступных запасов углеводородов (а это максимум 15-20 лет) мы окажемся в патовом положении - повседневная расточительность приведет к тому, что мы станем

энергодефицитной страной. Хотя уже и сейчас, чтобы выполнять экспортные обязательства по газу и одновременно кормить выстроенное под избыток газа внутреннее потребление, не обойтись без его закупок в Средней Азии.

Так и будем продавать сами себе - своей экономике, заточенной под нерациональное использование традиционного сырья, трудноизвлекаемые нефть и газ по высоким ценам. Будем нести слишком высокие издержки для себестоимости любых отечественных товаров и услуг. Как результат - неспособность экономики быть конкурентоспособной, а населения - платежеспособным.

Иногда проблему энергоэффективности пытаются отместить в сторону, ссылаясь на то, что Россия - очень большая и очень северная страна, а раз так, нам всегда придется тратить больше ресурсов и средств, чтобы обеспечить и работу экономики, и просто элементарную жизнедеятельность общества.

Конечно, доля правды в этом есть. Однако энергоэффективность нашей экономики и ведущих экономик мира отличается в несколько раз. И очередные ссылки на невероятную особость и уникальность России начинают выглядеть как поражение. Объективный и учитывающий нашу специфику потенциал сокращения энергозатратности промышленного сектора и ЖКХ оценивается на уровне 40-50%. Так что ссылки на то, что «у нас сделать, как у них, невозможно», скорее уж указывают на другую нашу неизбывную специфику - запредельную лень и пофигизм.

Можно, наконец, сравнить Россию с другими далеко не южными странами. Финляндия - не только близкая нам по условиям страна, но еще и бывшая, пусть и особая, часть Российской империи. Именно Финляндия является едва ли не самой энергоэффективной страной в Европе, а с ней тягается в этом не менее нордическая Швеция. Финны еще и лидеры в мире по использованию биоэнергии. В финских домах почти нормой является использование не только биотоплива, но и грунтового тепла, ветровой энергии, а также энергии вполне северного солнца. Бурное развитие соответствующих технологий делает их существенной отраслью финской экономики и статьей экспорта.

Могут другие, должны сделать и мы. Наше преимущество перед странами с развитыми экономиками будет еще и в том, что для них этот потенциал в существенной степени уже использован, а перед нами - непаханое поле повышения энергоэффективности и конкурентоспособности.

Вопрос о необходимости снизить к 2020 году энергоемкости валового внутреннего продукта не менее чем на 40% по сравнению с 2007 годом поставлен как четкая политическая и экономическая задача и в программе «Россия-2020», и в других государственных решениях. Если мы этой вполне реальной цели добьемся, то будем экономить ежегодно столько энергии, сколько вообще использует за тот же год такая немаленькая страна с серьезной экономикой, как Франция.

Прежде чем у нас заработает технологическая модернизация, нужно продемонстрировать

определенность государственной позиции, кое-что «поправить в головах», чтобы с энергоэффективностью у нас не вышло «как всегда».

Главное, что нам необходимо для снижения энергозатратности, - это внедрение стандартов, технических регламентов, нормативов, которые создавали бы четкие экономические стимулы для экономного поведения, энергосбережения, внедрения новых технологий, улучшения экологии. У нас подчас все происходит наоборот. Например, энергетики долгое время штрафовали за недобор энергии. Происходит абсолютная дикость: вас не поощряют, а наказывают, и наказывают существенно, рублем, если вы попытались и смогли сэкономить. Когда подобным образом искажены мотивы производственной деятельности, а для бережливости никакого внятного «кнута и пряника» нет, то мы никогда не вырвемся из нынешней ситуации.

Сколько можно раз за разом откладывать переход на современные стандарты? Даже когда принимаются соответствующие современным экологическим и энергоэффективным требованиям нормативы и регламенты, мы потом видим, как сроки их реального введения на практике начинают переноситься, и эти переносы стремятся в бесконечность. Все вокруг уже принимают и внедряют топливные стандарты Евро-5, а мы всё кричим, что для нас Евро-3 рановато и не под силу. Подобному безволию и циничной безответственности бизнеса следует положить конец.

В случае с энергоэффективностью пора оборвать привычную для некоторых песню: денег на

все на это нет, а в кризис нет тем более. Нефть и газ, другое сырье, которые мы сэкономим, окупят все вложения.

Мероприятия по ресурсосбережению способны привести к экономии для конечных потребителей 80 млрд долларов ежегодно, а экспорт сэкономленных энергоресурсов способен дать еще 120-150 млрд долларов в год. Таким образом, общий эффект энергосбережения может принести более 200 млрд долларов в год, и вся инвестиционная программа энергоэффективности России окупится в течение 2-3 лет.

Создавая в качестве фундамента новые нормативы и стандарты энергоэффективности, в первую очередь нужно мотивировать рублем, а когда надо, то и стимулировать пинком саму энергетику. Именно в энергетике у нас сегодня едва ли не самая провальная ситуация по производительности труда (в четыре раза меньше, чем в развитых странах). Неудивительно, учитывая возраст, изношенность, технологическое и моральное устаревание мощностей. Старые котельные и ТЭЦ сжигают почем зря нефть и газ с КПД всего лишь 35-40%. По данным McKinsey, почти 40% электростанций в России старше 40 лет, в США таких станций - 28%, в Японии - 12%, Китае - 3%. Треть всего потенциала энергосбережения и повышения энергоэффективности приходится на ТЭК.

Если модернизируем генерацию, на выходе получим не дефицит, а серьезный резерв энерго мощностей для развития экономики, а также сэкономим во внутреннем потреблении изрядную

долю нефти, газа и энергетического угля. И, кстати, одновременно выяснится, что непомерная плата за подключение к электросетям, которая в серьезной степени душит у нас малый бизнес и строительство доступного жилья, создана искусственно.

Та же ситуация в промышленности. К примеру, наша черная металлургия наполовину работает по абсолютно устаревшим технологиям и на безнадежно отставшем оборудовании еще, наверное, демидовских времен. Необходимо, чтобы государство на уровне стандартов жестко требовало определенных темпов и показателей модернизации. Запрещало производство продукции, если оно не соответствует современным экологическим, энергетическим мировым показателям. Тогда бы дело пошло. Стали бы понятными стимулы инвестировать в модернизацию производства, а не в яхты. Были бы очень четкие и прозрачные критерии конкуренции. Кто не успел или не смог - вылетел с рынка. Мы получили бы в той же металлургии огромную экономию - до 45% - и по энергоемкости, имели бы совершенно иные показатели производительности труда (сейчас лишь 30% от производительности в США и едва половина от южнокорейской). И, может быть, тогда, даже в условиях нынешнего кризиса, наша черная металлургия не рухнула бы как подкошенная и так жестко не приземлилась на дно, как это происходит сейчас.

Повысить эффективность промышленности и нынешней нашей энергоинфраструктуры - это

значит вытаскивать резервы существующей системы. Однако нужно идти дальше и создавать дополнительный ресурсосберегающий энергетический потенциал.

Передовые страны выходят сейчас на рубежи десятипроцентной доли (в Дании - уже более 12%) использования возобновляемых источников энергии и намерены ее увеличить в 2-3 раза в ближайшие 10 лет. Мы не можем игнорировать это движение, а также бесперспективность нашей нынешней ситуации, когда мы на 98% потребляем энергию из нефти, газа и других невозобновляемых источников. Конечно, у нас большой опыт и потенциал в ядерной энергетике. Несомненно, нужно заниматься и отдаленными перспективами водородной энергетики. Но необходимы и некоторые другие, достаточно очевидные, шаги.

Биотопливо первого поколения, использующее в качестве сырья зерно и прочие сельскохозяйственные культуры, - несомненное зло. Эта индустрия в мире с подачи США уже натворила немало бед и способна подорвать продовольственную безопасность планеты. Однако совершенно иначе выглядят перспективы развития более прогрессивных биотопливных технологий. Например, биоэтанола второго поколения, получаемого из древесины с использованием микроорганизмов, водорослей и бактерий, продуцирующих энзимы для быстрого разрушения древесины. Россия как «лесная супердержава» обладает одними из самых высоких в мире запасов сырья из отходов деревопереработки и наиболее крупной в мире

гидролизной промышленностью с достаточно развитой биотехнологической базой. Мы умеем делать не только водку, но и промышленные спирты. Нужно только научиться все это эффективно использовать.

Россия - не самая солнечная страна в мире, однако потенциал промышленной солнечной энергетики в значительной части регионов есть, не говоря уже о ее использовании в ЖКХ - строительстве солнечных домовых электросистем и систем нагрева воды не только в сельской местности, но и в городах.

В тех же США создана национальная программа «Миллион солнечных крыш» и выделено 13 «солнечных» городов, в которых предусмотрено ускоренное внедрение солнечных технологий в энергетике, а также обеспечивается финансовая и техническая поддержка этих работ государством. Аналогичные программы есть в Японии, в ряде стран Европы, даже в Монголии. Такая программа необходима и нам.

Что же до нашего «северного» солнца, то опять же вопрос в том, хотим ли мы искать отговорки или делать дело. Да, у солнечных батарей не самый высокий коэффициент полезного действия, и обычные панели, которые могут превратить в электричество лишь порядка 20% солнечной энергии, у нас сработают не везде. Однако наши ученые утверждают, что у них есть в этой области ноу-хау, позволяющее выйти на КПД более 50%. Если подойти к делу серьезно, то можно ведь и свой «миллион крыш» сделать и еще создать хоро-

ший рынок экспорта для отечественных эффективных солнечных батарей.

Главная проблема ветроэнергетики в мире - дефицит самого ветра во многих местах, из-за чего энергии вырабатывается иногда недостаточно и технология становится малоэффективной. Но из всех стран мира именно Россия (наряду с Канадой и США) имеет, по оценкам ученых, самый большой потенциал высококачественного ветроэнергетического ресурса. Ветра у нас много, дует он как надо и территория большая. Однако у нас практически нет ветряков, нет программы развития, а ведь по оценкам максимальный технический потенциал ветроэнергетики в России составляет 2 млрд тонн условного топлива в год, что соответствует двум годовым объемам потребления энергии в стране.

Зато лидером является Германия, где уже сейчас работает порядка 20 тыс. ветрогенераторов с суммарной мощностью около 24 тыс. МВт. Это примерно соответствует мощности четырех Красноярских ГЭС. На сегодня с помощью ветра в ФРГ производится более 7% всего электричества, и этот показатель планируется удвоить. Развитие ветроэнергетики давно (после аварии в Чернобыле) поддерживается и субсидируется правительством, и до 2020 года государством на это будет потрачено еще не менее 13 млрд евро.

В Германии наладили и самую сильную на сегодняшний день индустрию энергетических ветроустановок, в том числе морского типа. По-

рядка 70% немецких ветряных генераторов идут на экспорт.

Немцы дают нам пример настоящего государственного подхода - и энергоэффективность, и создание серьезных экспортных рынков для своей промышленности и науки. Нам нужно создать такую государственную целевую программу энергоэффективности, которая даст мультипликативный эффект на всю вертикаль народного хозяйства - от добывающих отраслей до приборостроения и информационных секторов. Мы получим не только новые технологии, рабочие места, выправление дисбалансов в экономике и конец гонки цен в коммунальной сфере, но и новую отрасль инновационной экономики с высокой добавленной стоимостью - сектор энергоэффективности .

Есть еще одно звено, потянув за которое можно реально и мощно раскрутить все последующие шаги и цепочки программы энергоэффективности не только в экономике, но и в обществе.

Таким звеном, несомненно, является ЖКХ - «энергетический собес» еще советского периода. Благодаря архаичному ЖКХ мы, наверное, смогли минимизировать социальные проблемы и потрясения в период 1990-х. В последние годы модернизация в этой сфере особо не шла, поскольку запредельные издержки слабо ощущались на фоне конъюнктурного благополучия. Но сегодня дальнейшее сохранение сферы ЖКХ в прежнем виде уже невозможно. Это экономически неэффективно и неприемлемо. И главное - старая советская

коммуналка уже испускает дух, все ресурсы и возможности ее дальнейшего существования исчерпаны до крайности.

С одной стороны, изношенная, устаревшая по технологиям и с низким КПД электро- и теплогенерация. Неэффективная, громоздкая и ветхая инфраструктура с набившими оскомину потерями в тепловых магистралях в 20-40% производимой тепловой энергии. Низкая энергоэффективность устаревающего массового жилого фонда, из-за чего мы «топим улицы», а не квартиры.

Но есть и обратная сторона медали - расточительное потребление. В нашей стране энергоресурсы очень долго были «дармовыми», а у потребителя до сих пор не хватает простой возможности управлять собственным расходом энергоресурсов и нет внятной привычки экономить. А надо бы создавать такие стимулы, как, например, в той же Германии, где коммунальные ресурсы совсем не копейки стоят. Но если вы реконструируете свой дом с применением энергосберегающих технологий, то государство субсидирует кредиты на ремонт и реконструкцию на очень льготных условиях.

Пока подобного рода механизмов нет, наш результат закономерен. Так, расход тепла на метр жилой площади в северных Скандинавских странах на 45-50% ниже аналогичных наших показателей. По расходу воды наша страна также занимает лидирующее место: 350 л/чел. в России против 114 л/чел. в Дании, 151 л/чел. в Германии.

В целом в российском ЖКХ средний расход энергии составляет 229 кВтч/кв. м в год, а в

странах ЕС - 77 кВт·ч/кв. м в год. Разница практически в три раза. При этом в Евросоюзе уже в 2010 году будет применяться требование, чтобы все строящиеся объекты соответствовали второму классу энергоэффективности (с энергозатратами 37 кВт·ч/кв. м в год), а в 2015 году нормой станет 25 кВт·ч /кв. м в год. В каком месте тогда будем мы со своими 229 кВт·ч/кв. м в год - думаю, объяснять не надо.

Наша столица давно и много делает в сфере энерго- и ресурсосбережения. Эти задачи уже стали важнейшим приоритетом Правительства Москвы на ближайшее десятилетие. Учитывая, что доля сектора ЖКХ Москвы в федеральном масштабе превышает 10%, переход Москвы на энергоэффективные технологии будет ощутимым подспорьем для государственной программы ресурсосбережения в масштабах всей страны.

Свой эффект уже дает оснащение домов, предприятий и учреждений приборами учета расхода тепловой энергии и холодной воды. В Москве показатель расхода воды - 270 л/чел. - существенно ниже общероссийского, но резервов снижения еще много, и их нужно реализовать. Использование сберегающего осветительного оборудования в городском освещении дает экономию электроэнергии более 60%. Городская программа капитального ремонта непосредственно направлена на то, чтобы за счет утепления фасадов, замены оборудования, установки новых батарей с терморегуляторами, новых окон повысить энергоэффективность зданий. И все это дает эффект

порядка 40% экономии тепловой энергии, а также позволяет снизить коммунальные платежи населения.

Все новые проекты строительства в столице проходят экспертизу и контроль на энергосбережение. Уже разрабатываются повышенные требования к вновь возводимым объектам, предусматривающие требования к теплоизоляции, системам отопления, единой автоматизированной системе учета потребления ресурсов. Для домов новой постройки нормой становятся индивидуальные тепловые пункты, позволяющие потреблять ровно столько тепла, сколько необходимо. Они удобны для точного расчета и создают прямую экономию для жителей.

Еще одна наша ключевая задача - модернизация городской системы электро- и теплогенерации. До недавнего времени все теплоснабжение в Москве осуществляли ТЭЦ, районные тепловые станции и ведомственные котельные. Разработана и реализуется программа закрытия неэффективных котельных, а РТС оснащаются газотурбинными установками и становятся фактически небольшими ТЭЦ, начинают работать в режиме производства энергии и затем уже вторичного парового цикла для горячего водоснабжения жилого сектора. Это позволяет повысить КПД работы по теплоснабжению с 50 до 85%.

Необходимы и перспективные стандарты энергоэффективности зданий. В Евросоюзе все новые здания начиная с 2019 года должны будут иметь нулевой энергетический баланс. Это означа-

ет, что все строящиеся здания будут производить на месте за счет различных технологий и использования возобновляемых источников столько же энергии, сколько ими потребляется. Мы должны ставить аналогичные цели.

Энергоэффективность, особенно в ЖКХ, - это та задача, которая может быть решена, если станет приоритетом не только для государства, но для всех, для каждого гражданина страны. Наше постсоветское общество еще не осознало отношение к своему дому (а не только к своей квартире) как к собственному. Часто продолжает действовать принцип: общественное - значит ничье, и нам оно не надо и не интересно. Ухоженность квартир за бронированными дверями и убогость продуваемых подъездов, текущих труб, разбитых окон, в которых эти оазисы бережного отношения к себе расположены, создают кричащий контраст. Да и в этих «оазисах» не всегда вспоминают о счетчиках электричества, воды, терморегуляторах, текущих кранах.

Воспитание ответственного и добросовестного собственника, приучение граждан к тому, что свой дом, двор, город требуют дисциплины и бережливости, - это важнейшая задача. Начинать всегда нужно с себя. И модернизация, о которой столько говорят сегодня, должна отталкиваться от простых и понятных действий каждого. Плясать, что называется, надо «от печки». А в случае с энергоэффективностью - от банальной лампочки. Той самой обычной лампочки накаливания, которая только на 20% работает на освещение.

А 80% энергии уходит в ненужное в данном случае тепло, условно полезное лишь для сжигания летящих на свет комаров да мух. Что в результате? А в результате получается, что половина, если не больше, мощностей электростанций у нас работает впустую. Их работа бессмысленна, а сжигаемые ресурсы пропадают зря.

Примеры можно приводить еще долго. Но надо понять главное - наша способность бережно относиться к своим ресурсам должна стать первым критерием успешности модернизации страны. Контроль над ресурсами - это не только контроль над их добычей и экспортом. Это прежде всего контроль над их сбережением, воспроизводством, увеличением стоимости, а также способность сохранить их значительную часть для потомков.

Бережливой должна стать вся Россия, каждый из нас. Соответствующие ценности и культура должны войти в быт, в повседневную жизнь. Для этого экономия должна стать модной. Прийти на смену гламуру и гонке сверхпотребления. Люди должны начать гордиться тем, сколько сберегли, а не хвастаться тем, сколько и на что потратили. Уважать того, кто смог скромно и эффективно распорядиться имеющимся, а не кусать локти, когда кто-то пускает пыль в глаза. Не завидовать тому, кто транжирит направо и налево, а смеяться над ним. Потом это войдет в привычку и постепенно превратится в традицию.

Представьте, что будет, если постараемся все - каждый в своей квартире, доме, офисе, на заводе, в мэрии, в Кремле - хотя бы перейти на

современные энергосберегающие лампы, поставить повсеместно счетчики, поменять краны и научиться выключать воду и свет, когда они не нужны. И еще модернизируем те самые котельные и ТЭЦ, многие из которых тоже современники «лампочки Ильича». Начнем правильно собирать, сортировать и перерабатывать мусор.

Это будет не только экономия и экономический эффект. Это уже будет то самое гражданское общество, единая нация, новая Россия.

Умное развитие

Главным для модернизации страны является социальный, человеческий капитал. Новую экономику будут создавать люди - квалифицированные рабочие, инженеры, ученые, врачи, учителя. Своими руками, идеями, волей именно они в состоянии осуществить модернизационный рывок и внедрять любые инновации.

Прежде всего, это превращает в фундаментальную задачу «сбережение народа». Не выработав эффективную программу демографической перестройки и наращивания качества «человеческого капитала», Россия в перспективе нескольких десятилетий может превратиться в глобальном смысле в «пустое пространство», которое к тому же не будет давать миру ничего нового. В нем будет отсутствовать единая государственность, отдельные регионы будут в конечном счете отторгнуты и переварены соседними странами, его ресурсы будут интернационализированы. В довершение

всего в это пустое пространство, как в резервацию, будут сброшены все проблемы современного мира (миграционные волны, экологические отходы, международный терроризм и так далее).

Важнейшим фактором демографической безопасности страны является не только повышение уровня рождаемости, но, возможно, в первую очередь уяснение ценности жизни. Российская нация не выживет, если не осознает взаимную ответственность и государства, и самих граждан за «экологию жизни», в буквальном смысле - за сбережение каждой человеческой жизни.

О том, насколько назрели проблемы и необходимость перемен в развитии человеческого капитала и культуры жизни общества, свидетельствуют цифры. Количество убийств в стране «зашкаливает»: 22 убийства в год на 100 тыс. человек в России при среднем показателе по Европе 1-2 на 100 тыс. человек; 24 смерти в результате ДТП на 100 тыс. человек - при девяти в среднем по Европе. По данным ООН, в России шансы умереть молодым составляют 31,6%. Для сравнения: в США этот показатель равен 11,8%, а в Норвегии, лидере рейтинга, всего 8,4%, в 4 раза меньше, чем в России. По продолжительности жизни Россия отстает от стран Запада и Японии на 15-17 лет и находится в одном ряду с Монголией, Марокко и Гватемалой.

Россия просто не может себе позволить растрачиваться, хоронить молодых и трудоспособных. Терять каждый год более 500 тыс. жизней в автокатастрофах, алкогольном угаре, табачном

дыме, наркоманском кайфе и связанных с ними последствиях. Избавление от кошмара этих цифр и сопоставлений предполагает в первую очередь, что жесткие и четкие программы снижения потерь населения от подобных явлений должны стать абсолютным приоритетом для власти и ведущим критерием оценки ее эффективности.

Мы живем так мало из-за низкого качества системы профилактики заболеваний, отсутствия в обществе должной культуры заботы о своем здоровье. Это требует философии защиты жизни каждого человека и качества жизни. Мы должны понимать, что развитие отечественных биотехнологий, медицинских технологий, фармацевтической промышленности и основанной на всем этом «индустрии здоровья» - это главнейшее направление структурной перестройки экономики России, ее соответствие требованиям XXI века, задачам постиндустриального мира. Новый технологический переход, который произойдет в мире в ближайшее время, будет связан с формированием огромной и важнейшей индустрии резкого повышения продолжительности жизни человека. В качестве лидеров цивилизации на смену «золотому миллиарду» богатых придет «здоровый миллиард» людей, живущих более 100 лет. Это изменит не только экономику и социальную сферу, но и преобразит всю логику развития цивилизации.

Для инновационного развития нужны прежде всего инноваторы. Поэтому на первом месте стоит то самое «развитие человека», приобретение большинством общества навыков и вкуса к инно-

вационному поведению. Только тогда мы сможем добиться главного - не просто приобретать и потреблять импортные технические новинки, технологии и оборудование, но обеспечивать собственное производство технологий и продуктов, меняющих мир и делающих нас лидерами в нем. Это важнейший момент в понимании того, на что мы должны ориентироваться в нашей политике развития образования. На что мы должны ориентировать высшую школу, наши университеты и стандарты высшего образования. Та же задача - подготовки инновационно мыслящих людей, желающих и умеющих работать на переднем крае техники и познания, - стоит и перед нашей наукой.

Значительная часть изобретений, определивших научно-технический, экономический, военно-технический облик XX века, была сделана в России - приоритетно или одновременно. Авиация, космос, радио и телевидение, медицина, биология и психология, даже защита окружающей среды. Но соответствующие изобретения, даже будучи практически использованными, не нашли в своей стране адекватного промышленного и социального воплощения. В результате командные высоты в новых отраслях занимают ныне иностранные корпорации и державы. Мы - догоняем. Уже даже в космосе. То есть проблема не в способности мыслить и создавать, но в том общественном и экономическом устройстве, которое мешает творить и работать, стабильно обрекая страну на циклы отставания от очередных мировых лидеров.

Новый период испытания интеллектуального суверенитета России ожидает страну за пределами 2012-2016 годов, когда будет полностью физически исчерпан оставшийся от СССР потенциал и начнут проявляться отложенные последствия длительного господства добывающего сектора и невостребованности науки. В этой связи особенно важны решения, которые принимаются сегодня в отношении образования и науки. А также качество управления этими сферами.

Главный риск нынешней реформы образования - это возможная утрата фундаментальности образования, смещение акцентов со стратегической подготовки специалистов, способных обеспечивать постоянный научно-технологический рост страны, на удовлетворение сиюминутных потребностей рынка труда. Нам нужна такая реформа образования, которая позволит сохранить его фундаментальность, то есть связь прежде всего с наукой. Да и с житейской точки зрения это выгодно. На современном высокотехнологичном рынке труда реально защищенным может быть лишь широко образованный человек, способный гибко перестраивать направление и содержание своей деятельности в связи со сменой технологий и требований рынка.

Сегодня мы видим, что содержание образования в школе уже подстроено под начетническую технологию сдачи ЕГЭ, а не на знание и самостоятельное мышление. А вчерашняя коррупция в вузах оказалась невинной забавой по сравнению с масштабами злоупотреблений вокруг ЕГЭ.

Одной из болезненных проблем нашего образования является инфляция его верхнего этажа. Мы имеем сегодня такое своеобразное явление, как стремление к всеобщему высшему образованию. В вузах учится огромное количество немотивированных студентов. Единственный их мотив - получить «корочки», потому что без «корочек» ты уже и не человек. Правительство Москвы который год пытается возродить в столице профессионально-техническое образование. Получается неважно. Родители не хотят отдавать детей в новые техникумы - колледжи. Они уверены, что там не будет хорошего общего образования.

Хочу предложить для общественного обсуждения такую мысль. В последние годы наша общеобразовательная школа поставлена перед необходимостью внедрять в старших классах разнообразные профили. В большинстве случаев школа испытывает большие проблемы с материальным и кадровым обеспечением профильного образования. Почему бы эту задачу не возложить на колледжи и родственные им вузы? У них уже есть и соответствующая материальная база, и навыки преподавания, и хорошее понимание программ специализации. Профилирование на базе уже существующих вузов и колледжей организовать проще и эффективнее, чем делать это фактически с нуля в каждой школе. Пусть на выходе из колледжа выпускник будет именоваться бакалавром. К удовлетворению родителей, мы совместим и мощное общее образование, и конкретное профессиональное. И пусть такое образование длится 13 лет.

Принципиальные преобразования необходимы и в науке. В последние 15 лет государство почти полностью ушло из науки, а бизнес в нее так толком и не пришел, поскольку был больше поглощен простым сырьевым экспортом, переделом активов и в лучшем случае проеданием старого научно-технического потенциала. В результате произошло то, что и должно было произойти. Фундаментальная наука - это не та область, которую можно финансировать частично, получая неполный результат. Финансируя науку наполовину от потребностей, толку получишь - один процент.

Хроническое недофинансирование со стороны государства и специфика бизнеса периода «первоначального накопления капитала» привели также к усугублению проблем с продвижением научных разработок на рынок, разрыв между фундаментальной и прикладной наукой усилился. А в современном мире без их тесной интеграции невозможны ни успешное инновационное развитие экономики, ни эффективность собственно фундаментальных научных исследований.

Наша бюрократия стремится контролировать всё и вся, но категорически не допускает никакого, даже только информационного контроля над собой. Особенно хорошо это видно на примере науки. Забюрократизированность многократно превзошла всё, что существовало в советские времена. Сегодня затраты времени и сил на подготовку заявок, текущих и итоговых отчетов, на многочисленные проверки соизмеримы

с затратами времени на проведение собственно исследовательской работы, а в отдельных случаях могут составлять до 50% общего рабочего времени. Научные коллективы и лаборатории все чаще вынуждены нанимать специальных сотрудников, в обязанности которых входило бы обеспечение «бюрократической чистоты» научного и образовательного процессов. Ни одному научному сотруднику, и тем более руководителям научных коллективов, эти бессмысленные упражнения не доставляют ничего, кроме морального опустошения.

В результате сегодня российская наука в лучшем случае дает обществу возможность цепляться за «передовые рубежи» развития 80-х годов прошлого века, но она совершенно неадекватна задачам ближайшего будущего в развитии России и всего мира.

Российская наука нуждается в значительном повышении финансирования, причем это задача именно государства. Государство должно ставить перед научным сообществом конкретные инновационные задачи, финансируя в достаточном объеме наиболее перспективные исследования и разработки. Сопровождая это созданием различных венчурных фондов, технопарков, свободных экономических зон и привлекая тем самым в науку еще и бизнес, мы сможем совершить качественный скачок в развитии собственного научно-технического комплекса, опираясь на выделенную государством систему приоритетных направлений технологической модернизации.

Партнерство государства с бизнесом должно в значительной степени заключаться и в нормативном стимулировании и технологическом принуждении (через систему стандартов и технологических коридоров) бизнеса к инвестициям в разработки, НИОКРы, внедренческую деятельность. То есть к созданию массового спроса экономики на новые технологические решения. В свою очередь государство должно идти навстречу экономике и бизнесу, осуществляя решающие вложения в национальную науку, развитие и модернизацию образования.

Для возрождения отечественной науки и для сохранения отечественных традиций фундаментального образования нам необходимо возвращение на Родину или в профессию интеллектуального, научного, постиндустриального потенциала нации («приток мозгов»). Нужно учиться у других стран мира собирать умных, амбициозных и талантливых людей со всего мира. В нашей научной политике эта задача должны быть одной из приоритетных.

По оценкам экспертов, ежегодные прямые потери от «утечки мозгов» обходятся нам не менее чем в 3 млрд долларов, а суммарные (с учетом упущенной выгоды) - в 50-60 млрд долларов. За границу при этом утекло, по разным оценкам, никак не менее 100 тыс. человек. Еще примерно 30 тыс. работают в западных институтах по временным контрактам. До сих пор ежегодно наша страна теряет тысячи высококвалифицированных специалистов (часто - обученных на бюджетных

программах, то есть за счет государства). Основная масса уехавших - физики, биотехнологи, информатионщики. Это те профессии, которые обеспечивают сегодня глобальное лидерство, на которых строится нынешний и будущие этапы НТР.

Еще существеннее объем «внутренней эмиграции» тех самых «мозгов». Примерами последней являются переквалификация (например, переход в сферу бизнеса, политики или управления) либо потеря научных школ, сопровождающаяся низкими доходами и социальной маргинализацией ученых. В результате, по тем же экспертным оценкам, в России на каждого эмигрирующего ученого приходится 10 оставляющих науку внутри страны. В целом за 1990-е годы науку по разным причинам покинули 577 тыс. из общего количества 992 тыс. ученых, то есть она численно сократилась на 58%. Средний возраст занятых специалистов составляет 48 лет, кандидата наук - 53 года, а доктора наук - 60 лет.

Россия сейчас занимает меньше 1% на мировом рынке наукоемкой продукции, а США - 40%. При этом наши ученые-эмигранты, которые живут в США, обеспечивают до 25% американского производства указанной продукции, что составляет 10% мирового рынка. Таким образом, российские ученые-эмигранты только в США производят в 10 раз больше наукоемкой продукции, чем их коллеги, оставшиеся в России.

У «утечки мозгов» много негативных черт, но есть и позитивные. Одна из них в том, что эти люди за последние годы не только остались

в науке, но и существенно продвинулись в своих исследованиях, в профессии, в интеграции в глобальную науку и экономику, в понимании закономерностей, тенденций и потребностей развития мира. Это неоченимый опыт, который необходим нашей стране, реформе нашего образования, нашей науке, модернизации нашей экономики, в конце концов - нашему государственному управлению.

Запрос государства на возвращение российских специалистов-исследователей должен быть мощным, и он достигнет цели при условии стимулирования государством инновационной экономики, формирования именно государством полноценного «пакета» приоритетных и прорывных для России научно-прикладных направлений исследований, а затем - активного внедрения результатов этих НИОКР в государственное управление и производственные процессы.

Еще великий Ломоносов отмечал, что не так важно привлекать в страну новых жителей-иностранцев, как важно уметь создавать условия, которые заставят ее нынешних обитателей отказаться от поиска «лучшей судьбы». Если государство не начнет решать этот вопрос, то проблема утраты интеллектуального потенциала и качества человеческого капитала окажется для страны фатальной. Россия, в отличие от ее отдельных граждан, вне себя самой обрести «лучшей судьбы» не может.

Эффективное государство

Главным национальным проектом и направлением модернизации должно стать сегодня создание «эффективного государства» - то есть снятие с системы управления страной «бюрократических тормозов».

Армия российских чиновников насчитывает более миллиона человек и в три с лишним раза превосходит по численности Сухопутные войска страны. На самом деле чиновников еще больше. По официальным данным Росстата, если подсчитать всех-всех-всех, кто работает на сегодняшний день в органах государственной власти и местного самоуправления, то получится цифра в 1,67 млн человек. Это 1,17% всего населения России и 2,37% занятых в экономике. И это означает, что за последние 10 лет количество «слуг народа» самой разной масти в нашей стране выросло более чем в полтора раза.

Расходы на общегосударственные вопросы, то есть на бюрократическую деятельность, в бюджете страны превышают 10%. По официальной статистике, чиновники получают зарплаты в среднем больше, чем в других отраслях экономики. По жизни от их разрешений, запретов, резолюций и согласований зависит слишком многое для всех и каждого. Не случайно у нас в стране молодые люди на классический вопрос «крохи сына» о том, где работать и чем заниматься в жизни, дружно называют в качестве своих предпочтений в первую очередь или работу чиновника, или «Газпром».

Важно разобраться, почему так происходит, какие причины стоят за галопирующей численностью чиновничьего аппарата и что необходимо предпринять, чтобы сделать госаппарат одновременно и более компактным, и более эффективным.

Среди большевистских лозунгов мало какой сыграл большую роль в особенностях работы советской системы управления, чем ленинская фраза о том, что социализм есть в первую очередь учет и контроль. Эти слова и сейчас звучат как музыка для любой бюрократии, поскольку для нее разрастание отчетности, умение создать препятствия, контролировать работу других - есть способ и самоцель существования.

В государственно-монополистической и плановой советской системе хозяйствования это происходило сплошь и рядом. Помню, как НПО «Химавтоматика», где я работал, имело в те времена 624 различных вида отчетов, включая оперативные, производственные, технические, научные, собственно статистические, не говоря уже о партийных. Это огромное количество отчетности требовалось не просто, чтобы пытаться контролировать происходящее в экономике и в стране в целом. Сам завораживающий процесс разработки показателей, написания и сбора отчетов, а также подготовки отчетов о предоставлении отчетов и о выполнении плана отчетности постепенно превращались (параллельно с расцветом целой культуры отписок, приписок, пересортицы и очковтирательства) в основной смысл системы управления.

Нет ничего удивительного, что при столь внешне огромной и многоэтажной системе учета и контроля все кончилось знаменитым признанием Юрия Андропова в 1983 году, что мы до сих пор не знаем страны, в которой живем. Потом этой страны - СССР - не стало.

В постсоветский период и с точки зрения принципов экономического развития страны, и в плане системы госуправления многое должно было меняться и начало меняться в связи с двумя новыми фундаментальными принципами. Во-первых, Россия становилась реально, а не номинально федеративным государством. А во-вторых, и принципом, и целью изменений была рыночная экономика.

Речь шла о том, что не нужно продолжать планировать и управлять развитием всей территории страны исключительно из центра. Не нужно пытаться жить по единой «указивке» свыше во всех мало-мальских местных вопросах. Не нужно, чтобы государство занималось бизнесом, а экономика гнала «план по валу», не обращая внимания ни на эффективность, ни на интересы людей, ни на качество.

Напротив, бизнес должен стать самостоятельным и строить, развивать новую экономику страны. Федеральная власть должна заниматься своими, основополагающими вопросами государственного единства, единства экономического и правового пространства, эффективности судебной системы, внешней политики, безопасности, правопорядка и обороны. Субъекты Федерации

должны выполнять свои функции, развивать территорию и экономику, заботиться об уровне и качестве жизни населения, становиться самостоятельными и состоятельными в плане своего хозяйства и бюджета. То есть, опираясь на законы страны и свои права в управленческой и хозяйственной автономии, делать то, чем лучше и эффективнее управлять именно на региональном уровне, просто потому, что он ближе «к земле», к повседневной жизни людей, к текущей работе реальной экономики.

Такие преобразования у нас в 1990-х годах и происходили. Шли они, конечно, далеко не гладко и не всегда верно. Сопровождались дикими процессами приватизации и подчас варварством новорусского бизнеса. То здесь, то там вылезали перекосы региональной «суверенизации». Коренной же причиной этого была крайняя слабость федеральной власти, а также ее сращивание с олигархами. Однако никто не будет отрицать, что сами принципы и цели развития страны - федерализм и рыночная экономика - были верными.

Когда в начале нынешнего десятилетия российская власть начала восстанавливать свою силу, дееспособность и эффективность, задача состояла именно в том, чтобы, очистив государственный механизм и экономику от «язв 1990-х», сохранить верные принципы развития. Но, к сожалению, произошел перехлест. Как не раз бывало уже в истории нашей страны, сработал «принцип маятника», и маятник этот полетел назад, в другое

экстремальное положение. В какой-то момент сама стратегия государственной машины развернулась в сторону формирования унитарного государства, а также чрезмерного огосударствления экономики.

Сегодня объем прямого и косвенного участия государства в экономике и бизнесе составляет более 50%, а в системе отношений центра и регионов возобладали старые командные инстинкты. Количество того самого «учета и контроля», которого требует государство от регионов и хозяйственных структур, стремительно догоняет и грозит превзойти советские образцы. Например, разрабатываются всё новые критерии эффективности деятельности региональной власти. Число основных и дополнительных критериев этой самой эффективности уже давно перевалило за сотню, но периодически все равно появляются идеи дополнить их еще какими-нибудь показателем и циферкой. По одному и тому же вопросу требуют отчета три, пять, а то и десять различных федеральных ведомств.

Отчет «о расходовании средств, выделяемых на обеспечение равной доступности транспорта для федеральных категорий льготников», запрашивают три федеральных ведомства (Ростехнадзор, Минтранс, Минфин). О расходовании средств на пособия, предоставляемые семьям с детьми, регулярно и каждое по-своему спрашивают пять ведомств. Различные отчеты по системе здравоохранения и реализации национального проекта «Здоровье» бессистемно запрашивают более 10 федеральных

структур. Да еще и по двум десяткам различных форм, не стыкующимся между собой и с официальными требованиями статистики.

Процесс отчетности становится важнее результата, то есть реального выполнения той или иной задачи или решения проблемы. Сотни показателей отчетности не позволяют в этой груде цифр, человеко-часов, тонно-километров и койко-мест обозначить ясные, действительно необходимые и считанные на пальцах главные приоритеты. Все это опасно приближает нас к той квазисоциалистической системе, от которой все недавно вроде бы так дружно отказались. Рост же чиновничества и бюрократизма, управленческая неэффективность являются неизбежным следствием этих процессов.

Оставив внешнюю оболочку федерации, но сдвинув систему к унитарному состоянию, государство много проиграло в потенциале и эффективности развития. С точки зрения бюджетного федерализма произошел отказ от требований Бюджетного кодекса о равномерном - 50 на 50 - распределении доходов между федеральным бюджетом и консолидированными бюджетами субъектов. Были централизованы поступления по многим налогам и одновременно отменены другие, по которым поступления направлялись в бюджеты субъектов Федерации.

По большому счету налоговая централизация, лишаящая регионы возможностей развития, во многом как раз и обеспечивала федеральному центру профицит федерального бюджета и ги-

перетрофированный Стабфонд. Результатом было существенное замедление регионального развития и экономики страны в целом. Одна ликвидация дорожных фондов в разы затормозила строительство новой дорожной инфраструктуры по всей стране.

Подобные принципы начисто лишают регионы стимула к развитию, к зарабатыванию денег, порождают иждивенчество. Выгодно занимать позу бедного родственника, потому что тогда можно выбить больше дотаций. Выгодно просто осваивать средства, но не работать над эффективностью или экономией, поскольку иначе, считая от израсходованного, в следующем году денег выдадут меньше. Срабатывает принцип: у кого все плохо - тот и молодец. Интерес сводится к тому, чтобы раздувать и увеличивать проблему, а не по-настоящему ее решить. И поэтому тот, кто сидел на шее государства, так и будет на ней сидеть.

Тенденция унитаризма неизбежно привела к тому, что вслед за деньгами у регионов отбирали и полномочия. Выдающееся достижение на этом пути - печально известный 122-й закон, который известен в народе как закон «о монетизации льгот», но сверх того был настоящим «монстром унитаризации». У регионов отбиралось буквально все - запретили полноценно управлять школами и поликлиниками, сажать или когда надо вырубать деревья, решать, как вывозить и утилизировать мусор, регулировать вредные выбросы в атмосферу, поддерживать научные разработки.

Даже малые реки, озера и пруды объявляли федеральной собственностью и грозили кулаком, если местные власти захотели бы эти пруды просто почистить от грязи. Что уж тогда говорить о мании собирательства в федеральную собственность любых памятников архитектуры. Ничего, что они разбросаны по всей территории страны и стоят в конкретных городах, - из федерального министерства, конечно же, виднее, что с ними происходит и что делать. Или, скорее, не делать. Потому что собственностью федеральной памятники объявили, но денег на их содержание и реставрацию не давали. И до сих пор идет эта игра в то, чье мое, а чье твое. Без особой помощи самим памятникам.

Потом все это пришлось исправлять. В тот же 122-й закон вносили более 30 принципиальных изменений (уже не говоря о второстепенных). Даже частично начали возвращать полномочия регионам, правда, нередко без возврата субъектам собственных источников финансирования этих полномочий. Но даже этот процесс половинчат, коряв и медлителен. И за это приходится сейчас расплачиваться. Потому что регионы, лишённые полномочий и возможностей самостоятельно решать социально-экономические проблемы, на чисто лишаются и какой-либо ответственности за проводимую политику.

Сегодня, к примеру, все обсуждают безработицу. В условиях кризиса она стала одной из самых острых проблем, и за нее сейчас с регионов стали спрашивать на каждом шагу и спускать

семь шкур. А давайте просто вспомним, что у нас происходило в последние годы в сфере занятости. Сначала в том самом унитарном порыве ликвидировали органы трудоустройства в регионах, а вместо них создали органы, прямо подчинявшиеся федеральному тогда еще Минтруда. Регионы лишились и немаловажных с точки зрения рынка труда полномочий в сфере регулирования трудовой миграции. Заодно по Бюджетному кодексу регионы потеряли и возможности формирования своих фондов занятости населения. Москву, например, тем самым лишили значительной части средств и возможностей для проведения активной и, главное, эффективной политики в сфере труда и занятости. А то, что эта политика была эффективной, можно судить хотя бы по тому, что уровень безработицы в столице всегда был одним из самых низких не то что в России, но, наверное, и в мире - около 0,5%.

Из федерального центра невозможно проводить политику на рынке труда и занятости по всей стране. Но пока перетягивали полномочия туда и обратно, лишали регионы возможностей оперативно финансировать программы занятости, многие системы управления рынком труда и политикой занятости были покорены. Что удивляться тому, что сейчас, в кризис, проблема безработицы ударила по многим территориям так сильно.

То же самое, кстати, было и с разделом имущественных прав центра и регионов. Сейчас мы видим, что из этого получается. Ситуация с Чер-

кизовским рынком - это ведь не только результат проблем с контрабандой в таможенной системе, но и с неурегулированными земельными отношениями между центром и регионами. Рынок разросся в Москве на так называемых федеральных землях. В итоге не только вопрос его открытия можно было не согласовывать со столицей, но и многократные попытки Правительства Москвы его закрыть натыкались на одно и то же: не ваше, мол, дело. Но как может быть не делом города то, что происходит внутри него, с москвичами и вокруг них. Аналогичная ситуация с миграцией - сейчас выясняется, что нужно депортировать с Черкизовского тысячи нелегалов! Но что это, как не результат абсолютно непродуманной системы уведомительной регистрации трудовых мигрантов? Полной безответственности в рамках этой системы работодателя, бизнесмена? Неспособности отделенной от региональных правоохранительных органов Федеральной миграционной службы реально, а не на словах контролировать миграционные потоки?

Про то, что в регулировании миграции нужны кардинальные изменения и что необходимо дать в этой сфере регионам хоть какие-то права, мы говорили последние четыре года - ровно с того момента, как работает нынешняя дырявая система миграции. А воз и ныне там. И теперь у нас на этом возу - целый китайско-вьетнамский конгломерат.

А комплексное решение связано как с миграционными, так и с земельными вопросами, управ-

лением рынком труда, регулированием торговли и ее переводом от стихийных к цивилизованным формам и методам. Полномочия для таких системных мер должны быть у города. Только это избавит нас от «шанхаев», создаст рабочие места для российских торговцев, отечественных бизнесменов и нашей легкой промышленности.

Мы могли бы многое сделать сами и с под держкой строительства, и с поддержкой производства, тем более сейчас, в условиях кризиса. Но регионы лишены права выдавать бюджетные кредиты. У нас нынче дня не проходит, чтобы все - президент, премьер-министр, губернаторы, сами бизнесмены - не уговаривали банки дать денег в экономику под нормальный процент, чтобы перезапустить производство. Мы говорим - верните нам право поддержать предприятия бюджетными кредитами. И бизнесу бы помогли, и, глядишь, с помощью своих льготных кредитов заставили банки вернуться с небес на землю и опустить ставки. Но нет, опять Минфин против, да еще норовит придумать что-нибудь новое из серии: «Как, у вас еще есть деньги? Тогда мы идем к вам».

В результате в лучшем случае государству удастся решать фискальные и контролирующие задачи, то есть обеспечить собирание кубышки в Минфине, а также плодить и множить бесконечные отчеты и контрольные показатели. А вот с содержательными вопросами развития экономики уже не получается - ни сил, ни средств, ни времени не хватает. А главное - мотивация к работе у всей Вертикали создается неверная.

Поскольку государство пошло в свое время по скользкой дорожке унитаризма, ему потребовался для этого и невероятный по структуре и по численности аппарат. Неудачная административная реформа 2004 года является в этом смысле ярким примером. Реформа, задуманная ради того, чтобы повысить эффективность власти, состоялась в худшем из возможных вариантов исполнения, нанесла вред организации государственного управления, затормозила темпы развития страны. Многие положения реформы 2004 года постепенно и отдельными шажочками пересматриваются. Но даже после этого ситуация в конечном счете напоминает известный анекдот про компьютерные системы: «Да, старые ошибки были устранены, но зато новые добавлены».

Это происходит потому, что до сих пор до конца не устраненным мотивом той реформы является избыточная централизация полномочий между центром и регионами. Из-за этого и пришлось создавать многоэтажную и перегруженную функциями структуру федерального правительства и его территориальных органов.

Второй особенностью той реформы был «бумажный» характер, когда важнее всего «заполнить квадратики», нарисовать красивую схему, которая при этом будет иметь мало связи с «оврагами» действительности и задачами реальной работы.

Бумажные реформы имеют много общего с «бумажной архитектурой» - на нее приятно смотреть на выставках, но чаще всего лучше никогда

даже не пытаться все это построить. К сожалению, сходство неполное - нарисованные реформы запускаются в жизнь чаще, чем хотелось бы. Так случилось и с реформой 2004 года - результат не заставил себя ждать.

Вместе с министерствами в их недрах создали формально независимые федеральные службы и агентства, работающие в одном блоке ответственности. Все они неизбежно превратились в антиподов друг друга, дублировали функции и вели междоусобные войны. Неэффективность - закономерный результат такого страшного дуализма в управлении отраслями народного хозяйства.

Сократили количество министерств и вице-премьеров, но тут же, упразднив 24 ведомства, создали вместо них 42 новых, где расселась вся бюрократия, при этом еще и увеличившаяся. Разрослись территориальные подразделения федеральных ведомств в федеральных округах и регионах. Здесь оборот про «армию чиновников» и превращается из метафоры в реальность. К примеру, в одном Сибирском округе численность федеральных чиновников в два раза превышает численность всех Воздушно-десантных войск России. А в отдельно взятом Красноярском крае количество чиновников федеральных структур соответствует полностью укомплектованной дивизии ВДВ.

Эту бы мощь, как говорится, да использовать в правильных целях и в правильном месте. В сегодняшнем мире мы не чемпионы по количеству чиновников по отношению к численности населения. Да, у нас это соотношение угрожающе растет,

но оно все же лучше, чем, например, во Франции и Германии (где, правда, к категории чиновников относят еще и учителей), Норвегии, Японии, Южной Кореи, США. Другое дело, что существенные отличия наблюдаются именно в качественных показателях чиновничьего аппарата. Для России характерны именно дублирующие друг друга структуры и должности. Избыток функции по согласованию решений и контролю. Тогда как для более развитых стран в структуре чиновничьего аппарата характерно преобладание должностей на уровне местной власти и функций оказания государственных услуг населению.

Чтобы перевернуть с головы на ноги управленческую пирамиду, необходимо отказаться от унитаризма и восстановить норму централизации/децентрализации в федеративной государственной системе.

Еще в начале 2001 года в рамках Рабочей группы Государственного совета РФ вышел доклад, а затем и книга «Путь к эффективному государству. План преобразования системы государственной власти и управления в Российской Федерации». Сейчас, на новом и сложном витке развития страны, он не потерял своей актуальности. Сформулированные тогда принципы и параметры проведения административной реформы, реорганизации системы и структуры федеральных органов исполнительной власти, модель разграничения полномочий между центром и регионами, необходимость развития федеральных округов и их превращения в округа экономической мо-

дернизации, направления развития местного самоуправления - все эти предложения вполне востребованы задачами сегодняшнего дня.

Главное, что их объединяет, - принцип, в соответствии с которым федеральный центр должен брать на себя решение только тех общегосударственных задач, которые он заведомо может решить лучше, чем региональные и местные органы власти. Или когда становится очевидной необходимость «федерального вмешательства» в силу тех или иных особых обстоятельств или бездеятельности (неэффективности) местных властей. Во всех же иных случаях функции государственного управления должны осуществляться (с соответствующими ресурсами и ответственностью) на уровне власти не выше того, где можно обеспечить эффективность.

Продолжают работать и законодательство, подзаконные акты, регламенты, созданные «в порыве административной реформы». И эта система порождает чудовищные по количеству и объему согласовательные процедуры, бумагооборот и препоны.

Как и для атмосферы, для безопасности экономики и общества также существуют определенные предельные концентрации «вредных бюрократических веществ». Что у нас зашкаливает - так это чудовищное количество времени и сил, которые человек должен потратить на общение с чиновником. Громадное количество бумаг, которые нужно не просто получить, но выбить, чтобы иметь право что-то сделать. Запредельный уровень затрат,

которые необходимо понести, чтобы, например, открыть свое дело.

У нас есть приоритетный национальный проект «Доступное жилье». Его стратегическая задача - повысить качество жизни и улучшить жилищные условия граждан. Была поставлена цель выйти на строительство 1 кв. м жилья на человека в год, то есть не менее 140 млн кв. м в год по стране.

И все вроде согласны, что строить нужно больше, качественнее и, главное, быстрее. Но в вопросе о том, «что нам стоит дом построить», часто главная загвоздка не только в деньгах. Главная проблема в чудовищных объемах и сроках всяческих согласований, которые выросли за последние годы в четыре раза! В 1990-х годах мы не имели денег на технологии, был развал экономики, дикая приватизация. Чтоб построить дом, надо было потратить два года, но вместе с тем разрешения на строительство оформляли всего за полгода.

А сейчас мы способны построить за полгода современное жилье на высочайшем технологическом и качественном уровне. Но на всякие оформления из-за излишних согласований и препон для строительства уходит минимум два года. Здесь уже не просто административные барьеры, но настоящие штрафные круги, как в биатлоне. Когда нужно после согласований и изменения документации вернуться на исходную позицию, терять снова и снова время, тратить силы, фактически не продвигаясь вперед по дистанции к конечной цели.

Можно ли построить новую экономику страны, если по условиям строительства Россия находится в рейтинге Всемирного банка на предпоследнем, 182-м месте в мире и, чтобы возвести даже самый простой сарай, нужно потратить 704 дня и пройти 54 процедуры? Из-за этого мы проигрываем «гонку», утрачиваем темп развития, конкурентоспособность.

Плодится и целая армия дополнительных посредников, юристов, специально обученных людей по распутыванию согласований, составителей справок и отчетов. Эти «ответственные кадры» превосходят число тех, кто непосредственно занят производством, созданием продукта. То есть мы формируем абсолютно неадекватную, не соответствующую задачам развития экономики структуру производительных сил, где на каждого работника реальной экономики приходится два-три чиновника, толкача, охранника. И всех этих «генералов» нужно «мужику» как-то прокормить.

На взгляд любого здравомыслящего человека - ужасный результат. Но эту ситуацию не назовешь «сбоем системы». Напротив, это - не что иное, как реализация во всей своей красе законов Паркинсона, поскольку чиновники всегда стремятся создавать друг другу работу даже на пустом месте. Любят «рисовать» нормы и правила, за которыми стоит одна задача - обеспечить свою занятость и востребованность. Стараются множить подчиненных и службу, которым в свою очередь хочется делать то же самое - создавать и множить. И так до бесконечности.

Эту баранку бесконечности необходимо разогнуть и разорвать. Задачей является не только сокращение численности, но оптимизация структуры чиновничьего аппарата, повышение качества и доступности государственных услуг населению. Это, в свою очередь, также является важнейшим механизмом профилактики и предотвращения коррупции, ключевым источником которой выступает именно «дефицитность услуг чиновника», недоступность госуслуг и заполнение этой проблемной зоны госуправления «серым рынком» коммерциализации и посредничества.

Бюрократия нигде и никогда не сдавалась сама и не отказывала себе в удовольствии безбрежно растекаться по стране. И всегда необходимы были четкая государственная воля, политическая решимость и правильная организация самого государственного механизма, чтобы не превращать страну в бюрократическое болото. Ставить плотины на пути разрушительного канцелярского потока и осушать территорию там, где он не уместен, но уже успел просочиться. Ликвидировать систему дублирования функций, привести в соответствие с этим систему разграничения полномочий и принципы бюджетного федерализма.

Если мы сегодня хотим это сделать и выйти из трясины на твердую почву дальнейшего движения вперед, необходимо осознать гибельность для страны тенденции к унитаризации. И, напротив, понять, что федеративный характер государства является одной из главных основ единства

страны, гарантий национальной безопасности России, мотором ее развития. Сохранение и развитие федеративных основ государства - одно из наших основных конкурентных преимуществ в ускорении экономического роста, в решении задач социальной модернизации, в обеспечении глобальной конкурентоспособности России.

Победители будущего

В результате глобального экономического кризиса, начавшегося в 2008 году, мир - а вместе с ним и Россия - подходит к важнейшей развилке в своей истории.

Идейное и политико-экономическое противостояние капитализма и социализма, которое определяло историю человечества на протяжении конца XIX и всего XX века, завершилось. Победителей нет. Капитализм в производстве и обеспечении экономического роста показал свои преимущества над всеми ранее существовавшими формациями, а также превзошел и пытавшийся его опровергнуть социализм. Но потом капитализм продержался лишь немногим дольше. Лишившись двадцать лет назад своего строгого судьи и конкурента, он выпрыгнул из себя и рухнул под тяжестью грехов транскapитализма.

Капитализм потребительского общества, торжество рынка в системе, которая потребляет больше, чем производит, - все это естественным и неизбежным образом привело к тому, что капитализм окончательно и бесповоротно загнал себя и мир в ускоряющуюся воронку постоянного воспроизводства кризисов. Отказавшись от опоры на реальное производство, заместив его производством виртуальных денег, капитализм оказался не способен вырваться из этого водоворота и вверх

себя в стабильно неравновесное состояние. Финансовый капитализм после очередного обрушения не может предложить ничего иного, кроме попыток спасти себя надуванием на рынках новых, куда более масштабных и опасных пузырей.

Итог очевиден. Капитализм как система привел к созданию новой реальности - тупиковости потребительского общества, нарастающему ресурсному и экологическому кризису, усугубляющемуся глобальному неравенству в мире, становящемуся все более единым, все более насквозь пронизываемым для распространения проблем и все более быстро и непредсказуемо меняющемся.

Под разбросанными обломками «битвы всеобщего поражения» капитализма и социализма сегодня мир видит только одну точку отсчета и точку опоры - институт Государства. Роль государств, несомненно, усиливается, и от них в решающей степени зависит, какие окончательные черты приобретет новая модель развития, названная нами пока посткапитализмом.

Он еще слишком слаб, его принципы не до конца очевидны, а соблазны велики. Модель взаимоотношений государства, бизнеса и общества, основанная на общественном, социальном, а не на рыночном типе общественного воспроизводства, еще не устоялась. Механизмы экономического роста и развития, основанные не на максимизации прибыли, а на обеспечении долгосрочного устойчивого роста стран в единой мировой экономике, еще не сложились. Риски эгоизма бизнеса и государства способны еще долго раскачивать

посткапитализм в сторону глобальной олигархии, реванша транскapитализма, а соответственно новых кризисов. Эгоизм государства требует также большей международной координации, создания «экономической» ООН.

Но главное - очевидно. Кризис показал, что общество потребления, которое играет в деньги, перерасходует ресурсы на жизнь и на производство, такая мировая цивилизация бесперспективна. Капитализму сегодня срочно необходима мощная прививка рациональности - рационального производства и рационального потребления. И дать такую прививку мировой экономике может только Государство.

Главное, от чего зависят место и роль России в этом пока еще бурлящем и неопределенном мире будущего, - это все же ее готовность и способность к изменениям, серьезнейшей внутренней трансформации и модернизации. А развитие национальной экономики и социальной системы должно быть жестко ориентировано на конкурентоспособность и лидерство России в мире, каким он станет через несколько десятилетий. Если всего этого не делать, то результат будет вполне предсказуем: страна может не просто оказаться на всемирной обочине, но и вообще выпасть из будущего, очутиться на «шоссе в никуда», прекратить свое существование.

Да, последние два столетия в истории всемирной цивилизации были эпохой капитализма. И сегодня мировыми лидерами пока еще остаются страны, которые смогли наиболее эффективно выстроить на капиталистических принципах разви-

тия национальные экономики и свои национальные государства. Наша же страна только недавно вроде бы вернулась на «путь капиталистического развития», но теперь вместе со всем миром будет переходить к посткапитализму.

Законы успешности в процессе этого перехода очевидны. Победа капитализма в борьбе с социализмом показала, что определяющее значение имеет максимальная адаптивность системы к меняющимся условиям и еще только предстоящим возможным изменениям. Решающее преимущество дает и привлекательность предлагаемого лидерами проекта будущего, а значит, их способность объединить вокруг себя максимальное количество ресурсов, возможностей, сторонников, последователей, общественной поддержки.

С точки зрения адаптации к посткапитализму Россия имеет, конечно, и множество проблем, но и достаточно большое количество накопленных как в советское время, так и в последние десятилетия перехода к рыночной экономике уникальных навыков. А также не самых плохих экономических и социальных технологий конвергенции капитализма и социальности.

Поэтому именно нынешний глобальный посткапиталистический переход является тем фактором, который может нам дать серьезные преимущества: раньше и эффективнее других выйти из кризиса, превратить ситуацию догоняющего развития в лидерство по многим направлениям, и в частности в формировании экономических и управленческих стандартов посткапитализма.

Лужков Юрий Михайлович

Капитализм и Россия

Выпадение из будущего?

ISBN 978-5-7853-1270-8

9 785785 312708

Издательские и полиграфические
работы выполнены
ОАО «Московские учебники и Картолитография»
Генеральный директор С.М. Линович

Ответственный за выпуск О.А. Слуцкий

Редактор Е.М. Кострова
Художник В.И. Кучмин
Компьютерная верстка Е.А. Коган
Корректор В.А. Соловьева

Подписано в печать 16. 12. 2009. Формат 70 x 100/32.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Гарнитура «Букман».
Печ. л. 4,25. Тираж 10 000 экз. Заказ 12535.

ОАО «Московские учебники и Картолитография»
125252, Москва, ул. Зорге, 15.

